

Во что бы мы ни верили, что бы ни носили в сердце своём, есть одно удивительное чувство — то, которое мы с трепетом испытываем при виде флага родной страны, горделиво льющегося волнами по небу, особенно в торжественные минуты славы нашей Родины, трепещущего на ветру на какой-нибудь вершине или полюсе, на броне танка, и знамени в руках знаменосца, знамени, врывающегося в сломленные ряды врага, опалённого огнём и пробитого пулями. Или чинно восходящего вверх по флагштоку под звуки волнующего гимна. Всего лишь кусок окрашенной материи, маленький клочок или огромный отрезок, состоящий не из живой ткани, а из нитей... Но порой сей клочок или отрезок воспринимается как некое живое и высшее существо, перед которым мы замираем, затаив дыхание, и стоим навтыяжку.

Что говорить, даже такая ничтожно маленькая страна, как Андорра, и та любит свой флаг, с полосами, составленными из национальных цветов Франции и Испании, в месте тесного соприкосновения которых друг с другом эта песчинка затесалась будто случайно. Целиком зависимая от двух титанов мировой истории, она, тем не менее, считается независимым государством, напоминая о себе чаще всего на каких-нибудь спортивных состязаниях. Волей случая она вдобавок по алфавиту первая, и с неё начинается торжественная церемония закрытия Олимпийских игр!

— Андура какая-то, а туда же... Всех участников — полтора землекопа, а гляньте — первыми пойдут! — от души возмущался Лёнька Шустиков по прозвищу Броневинок, маленького роста борец, взявший здесь, в Монреале, золото в категории до сорока восьми килограммов. — Вот скажите мне, братики, где справедливость? Почему не мы? Быстренько бы отстрелялись и — на забег в ширину. Ведь такой триумф!

— Ты не прав, Броневинок, — с тягучей лаской отвечал Алан Сосланов по позвищу Осетинский Пирог, гигант, на полметра выше ростом Шустикова, чемпион Монреала в весе выше ста. Добродушный, медлительный, слегка ироничный. — Кто на концерте выходит последним?

— Арлекино-Арлекино.

— Правильно. Потому что она сейчас лучше всех. А парад на Красной площади кто замыкает? Баллистические. Самые мощные ракеты. Правильно?

— Правильно, — согласился Шустиков. — Просто хочется поскорее.

— Не суетись, Броневинок, — сердито сказал Герман Николаев. — Глянь на своего земляка. Ему знамя нести, а он спит себе спокойненько.

Гимнаст Николаев завоевал в Монреале семь медалей, четыре золотых — на кольцах, в опорном прыжке, в вольных упражнениях и в многоборье; две серебряных — на брусьях и в командном зачете; да ещё и бронзу взял на коне. Никто не сомневался, что знаменосцем советской сборной на закрытии Олимпиады будет он. И вдруг, будто оттолкнувшись от пружинящего гимнастического мостика, выпрыгнуло одно неожиданное и острое обстоятельство, из-за которого на общем собрании большинство наших олимпийцев, забыв про триумф Николаева, проголосовало за Ивана Шарыгина, двухметрового борца вольного стиля, выходца из той же сибирской школы вольной борьбы, что и Шустиков.

Шустиков посмотрел на своего земляка и умилился. Иван, элегантно одетый, как все мужчины советской олимпийской сборной, в белый легкий костюм и белую рубашку с галстуком кремового цвета, сидел в кресле в центре огромного накопительного помещения олимпийского стадиона и среди взволнованной суеты снующих туда-сюда спортсменов мирно спал, бросив могучие лапы на колени растопыренных богатырских ног.

— Аполлон ты наш! — фыркнул Шустиков.

Несмотря на могучее телосложение и медвежью силу, Шарыгин блистал изяществом всей своей мышечной массы, и журналиги прозвали его не Гераклом, а Аполлоном. “Сибирский Аполлон” — так называлась одна из статей, после которой в газетах и журналах за ним закрепился сей эпитет. Но друзья и все спортсмены по-прежнему называли его просто и весомо — Иван. Людей с этим распространённым русским именем среди них числилось немало, но когда спрашивали: “Кто следующий выступает?” — и получали в ответ: “Иван”, — то не уточняли: “Какой именно?”

— Ребята, гляньте, что я вам принесла! — раздался весёлый голосок Жени Филоновой, пятнадцатилетней гимнастки, ставшей здесь самой молодой олимпийской чемпионкой. В руках у девочки крутилось широкое блюдо с множеством мелких бутербродиков из гренок с сыром, ветчиной и огурчиком, в каждый была воткнута шпажка с бумажным флажком стран-участниц Олимпиады.

— Это называется канапе, — сказала Жена. — Такие маленькие бутербродики. Канапушки. Угощайтесь.

— Такие же маленькие, как ты. — Спринтер с говорящей для бегуна фамилией Быстрицкий оказался ближе всех к подносу и взял первый попавшийся бутербродик. — Канапушка! — проворчал он, вертя в пальцах флажок Великобритании. — Таких надо сотню сожрать, чтобы наестся.

На предыдущей Олимпиаде в Мюнхене Володя Быстрицкий стал первым и единственным спринтером, выигравшим две золотых медали — в беге и на сто, и на двести метров. Плюс ещё серебро в эстафете. И четыре года назад в Мюнхене именно он нёс знамя с серпом и молотом на церемонии закрытия. Под канадскими кленами Володе повезло меньше: бронза в стометровке и бронза в эстафете. Перед соревнованиями ему, уроженцу Львовской

области, угрожали живущие в Канаде бандеровцы: “Выйдешь на беговую дорожку за москалей стараться — пристрелим!” Хлопец не дрогнул, на беговую дорожку вышел, но желанного результата не показал. Зато теперь он мог утешиться взаимностью со стороны Лиды Татищевой, за которой давно ухаживал. Лида — золото во всех отношениях! Капитан советской сборной по гимнастике. Золотая медаль Олимпиады в Мехико, потом — две золотых, серебро и бронза в Мюнхене, а нынче — золото в командном зачёте, два серебра в вольных выступлениях и опорном прыжке и ещё бронза в многоборье. И сейчас она была рядом с ним. Тоже взяла канapé с британским флажком, коих оказалось два. Бросила в рот бутербродик, игриво и загадочно глядя на Быстрицкого.

Поднос пошёл по кругу.

— Нет, братики, как хотите, а мне — наш, советский! — подсутился Шустиков и успел выудить канapé с красным флажком. Остальные довольствовались микрознаменами Франции, Германии, Швеции, Италии, Японии, Бельгии... Американского полосатика никто не хотел брать, и вскоре он остался на подносе единственным уцелевшим после налёта спортсменов Страны Советов.

— Ну, как хотите, а я его съем, — сказала Женя и слопала американца. Флажок небрежно бросила на пустую арену подноса.

Шустиков посмотрел на спящего Шарыгина.

— Эх, Ивану не досталось!

— Зачем ему маленькие флажки, — усмехнулся Николаев. — Он большое знамя понесёт.

Но Шустикова распирало. Подойдя к Ивану, он осторожно сунул ему в щепотку большого и указательного пальцев шпатель с советским флажком.

— Внимание, внимание! — заговорил Броневинок, неплохо подражая голосу диктора Левитана. — На стадион выходит сборная Союза Советских Социалистических Республик.

Иван приоткрыл левый глаз и с иронией посмотрел на бумажный флажок. Устало промолвил:

— Это ты зря.

Шустиков не унимался:

— Впереди всех выступает двукратный олимпийский чемпион по вольной борьбе, величайший советский спортсмен Иван Шарыгин! В руках у него огромное знамя нашей страны, которое он с гордостью пронесит по чаще олимпийского стадиона в Монреале. Вот он — триумф советского спорта!

Всем стало смешно. Исполин Шарыгин с крошечным флажочком! Дружно смеялись, выплескивая смехом пену волнения. Иван открыл оба глаза, вздохнул, произнёс:

— А это ты совсем зря.

Всем, а уж особенно Шустикову, прекрасно был известен обычай Ивана. Если кто-то раздражал или даже злил добродушного великана, он говорил: “Это ты зря”. Если раздражитель не унимался, следовало второе предупреждение: “А это ты совсем зря”. Третья фраза звучала так: “А это уж совсем ни к чему!” И была она не предупредительной, а сопроводительной. То есть сопровождала решительные действия Шарыгина — выбрасывание обидчика из дверей автобуса, втыкание его головой в освежающий сугроб, швыряние в дивную прохладу фонтана и тому подобные радости жизни. А посему диктор Левитан мигом превратился назад в Броневинок и сказал голосом Шустикова:

— Всё понял, Ваня, осознаю, исправлюсь. Не надо мне никуда ничего втыкать, признаю свои ошибки, лежачего не бьют, мне срочно в Кремль позвонить надо. “Ах, Арлекино, Арлекино, нужно быть смешным для всех...”

С этими словами популярной песни сублинный олимпийский чемпион под общий хохот отправился в ближайший туалет. Там, к его удивлению, никого не было. Войдя в кабинку и приняв позу писающего мальчика, он поднял глаза и увидел нечто возмутительное и непотребное, до глубины души всколыхнувшее его.

— Вот люди! Никакой культуры! И таких пускают в цивилизованную страну!

Вверху на белжке красовалась нацарапанная русскими буквами надпись: "Минск". Ещё выше кто-то добавил: "Москва".

— Ну уж нет! — пуще прежнего возмущился Шустиков, встал на унитаз, вытащил из кармана спортивных брюк монетку. — Вот и валюта пригодилась! — И принялся тянуться изо всех сил, чтобы нацарапать выше "Минска" и выше "Москвы" свое заветное "Красношарск".

Во всём светлом она шла по ресторану, неся ароматный, с лёгким дымком кофе, такой же чёрный в двух белых фарфоровых чашках на белом подносе, как её глаза на белом лице, обрамлённом чёрными волосами, и все вокруг любовались ею, забывая про то, что кипят, накалившись, страсти вокруг Олимпийских игр, коим оставалось бурлить здесь, в Монреале, всего ничего.

— Хороша, зараза! — успел невольно промолвить Бурдюков до того, как официантка приблизилась к столику и, слегка склонившись к плечу Исакова, изящными движениями поставила перед ним и Бурдюковым две чашки, будто в них содержался не кофе, а некий божественный нектар, способный вернуть обоим мужчинам их пружинистую юность.

— Here you are... — сказала она певучим голосом и вдруг почти шёпотом, но никоим образом не меняя приветливо-услужливого выражения лица, добавила по-русски: — Латыш подтверждает: на закрытии кто-то намеревается стрелять в знаменосца советской команды.

И снова превратилась в канадскую официантку:

— You are welcome!..

— Thank you very much, — ответил ей Исаков, и она отхлынула волной, возвращаясь от их столика к своим делам так, словно осыпала драгоценностями. А главный тренер олимпийской сборной СССР и заместитель начальника 5-го управления КГБ уже не смотрели ей вслед, чтобы не видеть, как она хороша и со спины, как плавно покачивает бедрами, волнуя своей грацией и неприступностью.

— Опять! — сказал Бурдюков. — Ведь уже угрожали, что снайпер застрелит Быстрицкого. Однако обошлось.

— Тем не менее, надо быть начеку, — возразил Исаков. — Вспомните Мюнхен. Кто мог представить, что террористы устроят кровавую баню.

Бурдюков сыпанул в кофе лишний сахар и огорчился:

— Никак не могу привыкнуть к этим сахарницам с дозатором! Ложечкой как-то сподручнее... Мюнхен... Но там, Павел Игнатьевич, арабы, мстители израильтянам. А тут? И кто это может быть теперь?

Исаков усмехнулся:

— А я вообще без сахара кофе пью. Сахар только убивает кофейное волшебство. Какой ароматный тут готовят! Закачаешься! Кто может быть теперь? Да кто угодно. Те же бандеровцы.

— Бандеровцы?! — удивился главный тренер.

— А что вы так удивлены, Константин Фомич? — спокойно ответил кагебешник. — Канада — их вторая родина. Здесь живут дети Степана Бандеры, а его сын Андрей создал несколько националистических организаций. В Оттаве в университете спокойноенько себе преподаёт Богдан Боцюркив, ближайший соратник Бандеры, руки по локоть в крови. Преподаёт, между прочим, политические науки, иначе говоря — ненависть ко всему русскому и советскому. Кровавый бандеровец Ярослав Стецько, председатель украинского государственного правления, то бишь, как они говорят, правительства Украины в изгнании, тоже постоянно тут трётся. В Торонто, да и здесь, в Монреале полным-полно наследников Бандеры, и все они люто ненавидят Россию и СССР. Нас с вами. С их стороны постоянные провокации...

— В голове не уместается... Украина и Россия — единое целое. Мы и украинцы — братья навек.

— Далекое не все украинцы, Константин Фомич, увы, далеко не все!

— Как же мы будем решать вопрос со знаменосцем?

— С Иваном?.. Нехорошо подставлять парня. У него дочка маленькая, а сын совсем недавно родился. Я поговорю с ним. И сам понесу знамя. Не забываете, я тоже в прошлом борец!..

— Не спешите. — Исаков посмотрел на часы. — Осталось минут двадцать. Мне надо все взвесить.

Допив кофе, Исаков отправился на поиски своего сотрудника Даниличева, быстро нашёл его и пригласил зайти в туалет. Там Даниличев быстро глянул по низу кабинок, нет ли чьих-то ног.

— Пусто.

Исаков включил сильно воду во всех умывальниках, врубил сушильные аппараты.

— Если они задумали застрелить знаменосца, они не отступятся, — сказал он.

— Но в Быстрицкого не стрельнули, — возразил Даниличев.

— Возможно нарочно. Чтобы мы так и рассуждали: раз там не сработало, то и тут можно не волноваться.

— Расслабить бдительность? Не исключено. Что делать, Павел Игнатьевич?

— Завалят нашего Шарыгина, как кабана на охоте. Надо продолжать работать. Придётся обо всем рассказать Павлушину, чтобы позвонил Брежневу.

Сушильные аппараты один за другим отключились и затихли, будто говоря: время для вашего разговора окончено. Исаков выключил воду в умывальниках и вместе с Даниличевым вышел из туалета.

Шустиков, стоявший на унитазах, слышал весь разговор. Он замер в оцепенении и, наконец, промолвил:

— Мать честная!

Надо было бежать к Ивану, но оставить лишь половину надписи Лёня не мог и, прежде чем спрыгнуть с унитаза, всё же дописал “шарк” к уже готовому “Красно”. И после этого помчался в накопительное помещение.

Иван уже не спал и не дремал, а стоял во всей красе, высокий, могучий, уверенный в себе гигант. Он разминал мышцы шеи, вращая головой. Руки в боки. Озираясь по сторонам, Шустиков взял его под локоть:

— Ваня, Ваня, Ваня, Ваня...

Шарыгин усмехнулся:

— Тебя что, переклинило?

Но Шустикову было не до усмешек:

— Слушай, слушай, слушай, слушай...

Он встал на цыпочки, стараясь дотянуться губами до уха Ивана, тот слегка наклонился, и Шустиков выпалил ему в самое ухо:

— Я только что в тубзике наших кагебешников подслушал. Готовится теракт. Кто-то хочет стрельнуть в тебя.

— В меня?

— В знаменосца нашей команды. Стало быть, в кого? В тебя!

— Да ладно, не кишишься! Вове Быстрицкому тоже угрожали, а никто в него так и не выстрелил.

— Тут дело серьёзное. Исаков сказал, что они тем самым расслабляли нашу бдительность. Мол, там не стрельнули, и тут не стрельнут. Сказал, самому Брежневу надо звонить.

— А вот это хорошо, — снова добродушно усмехнулся Шарыгин. — Лишний раз напомнят обо мне Леониду Ильичу. Скоро там начнётся-то?

— Ваня, ты дурак? — спросил Шустиков.

— Нет, — коротко ответил Иван.

А в это время председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР Павлушин уже разговаривал по особому телефону и слышал в трубке голос не кого-нибудь, а самого Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева:

— Ишь ты... Стрелять они собрались...

— Похоже, кто-то хочет повторить Мюнхен, только теперь с нашими спортсменами, — отвечал Павлушин. — Леонид Ильич, есть мнение, что нашу сборную надо снять с церемонии закрытия.

— По автобусам и домой?.. Это, Пал Сергеич, знаешь ли...

Качество связи было столь отменное, что слышалось, как Брежнев докурирует сигарету и сердито тушит её в пепельнице, устроившей танцы на столе генсека.

— Леонид Ильич, наши специалисты утверждают, что угроза теракта в отношении знаменосца советской сборной весьма велика.

— Если снимать, то олимпийские сборные всего соцлагеря. Хотя после чехословацких событий, эти их мать... Развоятся наши братские друзья-товарищи.

Теперь можно было услышать, как Брежнев делает большой глоток чаю.

— Есть такое опасение, Леонид Ильич.

— Проклятый портсигар! — Из этой фразы Брежнева Павлушин легко догадался, что генсек пытается безуспешно откупорить свой волшебный портсигар, сделанный для него отечественными умельцами с тем умыслом, чтобы он открывался не чаще определённого времени, дабы уменьшить количество табака, потребляемого главой советского государства.

— Огорчил ты меня, Пал Сергеевич. А ведь за наш триумф в Монреале мы тебя хотим к ордену Ленина... Короче говоря, так: действуй по обстановке и сам принимай решение. Я тебе полностью доверяю. Понял меня?

— Понял, Леонид Ильич, спасибо за доверие.

— А кто должен нести наше знамя?

— Двукратный олимпийский чемпион борец Шарьгин.

— Да, я помню... Иван? Красавец! Такого нельзя чтобы застрелили.

В офисе спецслужб Павлушин застал Исакова и Даниличева, склонившихся над огромной картой Биг-О, как уже окрестили Олимпийский стадион в Монреале. Руководитель канадских спецслужб Вердье оживлённо говорил и тыкал пальцем в карту, будто ожидая, что в каком-то месте ей станет больно, и она вскрикнет, обнаружив болезнь. Но карта молчала, Вердье сердился, и Павлушин подумал: "Это конец!" Ясно, что ситуация не под контролем, и теракт вполне возможен. Казалось, Вердье не выдержит и заорёт: "Да пошли вы, русские, куда подальше со своими проблемами!"

Увидев бледного Павлушина, Исаков быстро закончил разговор с Вердье и вместе с Павлом Сергеевичем покинул помещение. В коридоре Павлушин доложил о разговоре с Брежневым.

— Велено самим решать. Нам с тобой, Павел Игнатьевич. Если шутки плохи, то снимать нашу сборную вместе со всем соцлагерем к едрене фене.

— На свой страх и риск...

— Желательно бы избежать... Так хорошо провели Олимпиаду, и на тебе!

— А если стрельнут, тогда что?

— И так плохо, и так плохо. Не знаешь, что хуже. По автобусам и домой — тоска! Застрелят Ивана и ещё кого-нибудь — канадцы обесрут на весь мир, а нам гробы в Москву везти...

— Обещают принять все меры, — неуверенно вздохнул Исаков.

— Проследи, Павел Игнатьевич. Если увидишь, что риск остался... — Павлушин глянул на часы. — Бляха-муха! Кто там из соцлагеря первыми идут?

— Болгары, естественно, по алфавиту.

— А наши в самом конце? После американцев?

— Да нет же, по французскому алфавиту, а США по-французски *Etats-Unis*, американцы за испанцами идут.

— Ах, ну да. Придумают же эти алфавиты нерусские!

И Павлушин, ругая французский алфавит, являющийся официальным на всех Олимпийских играх в честь их основателя француза Кубертена, отправился на поиски Папы, чтобы тот попробовал воздействовать на своего упрямого сыночка.

Георгий Михайлович Папашвили, или попросту Папа, лучший тренер красношарковой школы борьбы, в буквальном смысле вырастил Шарьгина, и тот во всем беспрекословно подчинялся ему. Почти во всём. Ещё вчера, когда появились первые, неподтверждённые нашей агентурой сведения о готовящемся выстреле, Папа пытался уговорить Ивана отказаться от несения

знамени по состоянию здоровья. Утром Папиашвили со вздохом сказал, что они проговорили всю ночь, но Иван упёрся.

— Как осол, ёлки-пальки!

Конечно, можно было бы просто приказать, что знамя понесёт не Иван, а Бурдюков как главный тренер. Он тоже тяжелоатлет, но ему под сорок, новые спортивные достижения уже давно не светят, и дети уже большие, а у Шарыгина — совсем малыши. И главное, Бурдюков согласен. Но это был бы вызов общему решению всей нашей олимпийской команды, нехорошо.

Снова выслушав Павлушина, Папиашвили рассердился:

— А ну-ка, где там этот Иван-болван!

Они вместе пошли туда, где наши спортсмены томились ожиданием начала церемонии, и Папа пошёл в наступление на Ивана:

— Я сам понесу это знамя! Ваня, у тебя двое малышей. А сведения о теракте подтвердились, ёлки-пальки! Скажем: два ребра сломаны, скажем: началось осложнение, а знамя-то — не пушинка, слушай! Бурдюков понесёт, в него и стрелять никто не станет. Ты слышишь меня?

Иван слышал, но всем своим видом показывал, что не хочет слышать.

— Георгий Михайлович, я вас безмерно уважаю! Но это вы зря. На войне как на войне. А если всё-таки выстрел будет? Все скажут: Шарыгин — трус.

— Трус — не трус! Ваня, вспомни Мюнхен. Эти арабы, они что, шутики шутили? Сколько хороших израильских борцов погибло! Соображай: нам с тобой ещё Московскую Олимпиаду надо выигрывать. Третье олимпийское золото. Шутки шутишь? Немедленно иди и говори, что...

— Простите, Георгий Михайлович, но я не вправе отказываться. Такая честь!.. Знамя страны!.. Давайте больше не будем об этом.

Папиашвили беспомощно развёл руками и повернулся к Павлушину:

— Легче Красный Шар сдвинуть, чем этого Ивана! Это у нас такая скала, из-за которой и Красношарк так назван.

— Да что ж я, не знаю, что ли! — возмутился Павлушин, но не столько существованию скалы Красный Шар, сколько таким упёртым скалам, как этот Шарыгин. Папиашвили проводил его взглядом, затем медленно повернулся к Ивану, внимательно посмотрел в его улыбающееся лицо и тоже не сдержал улыбку.

— Пропади ты пропадом! — сказал он ласково. — Лучше бы ты в этот грёбаный футбол тогда пошёл, ёлки-пальки!

С одиннадцати лет Иван мечтал стать новым Львом Яшиным. Воспоминание о том, как в их доме появился телевизор, нередко вспыхивало в его памяти голубым экраном, в котором великий вратарь взлетал по диагонали ворот и, как хищник, ловил кожаный мяч. И тогда звенел голос сестры, оповещающей, что привезли телевизор, а потом раздавался звон кузницы, в которой они работали вместе с отцом.

Распахивался горячий мир, где пылал горн, отец длинными клещами доставал из него пылающий кусок металла, нес к наковальне и громко пел, изображая оперного певца:

*Люди гибнут за метааалл, за металл!
Люди гибнут за метааалл, за металл!..*

В тот день они работали четвером — отец, Ваня и старшие братья Евгений и Виктор, недавно один за другим отслужившие в армии.

— Ванька, давай ты! — крикнул отец, бросая на наковальню раскалённую красную злоку. Иван одной рукой схватил большой кузнечный молот и стал колотить им, да так, что искры посыпались грозно и весело!

— Хорош! Переплющишь, медведище! — засмеялся отец.

Братья удивились:

— Во даёт Ванька! — сказал Женя.

— Я в его одиннадцать лет только двумя руками, этот молот, мог. Одной — хренушки! — добавил Витя.

— Будущий Юрий Явласов, — сказал отец.

— Олег Караваев, — блеснул познаниями в спорте Женья.

И тут как раз в кузницу вбежала сестра Тоня, на четыре года старше Ваньки. Она вся сияла так, что вот-вот искры посыплются.

— Мамке телевизор привезли! За многодетство!

Телевизор! В их селе со смешным названием Норка телевизоры имелись наперечёт, только в семьях больших начальников — у Залётовых, Усолицевых и Бавыкиных. А тут такое дело! Три брата и сестра в жадной вопросительности уставились на отца. Но отцу самому хотелось поглядеть. И он дал отмашку:

— Ладно, антракт!

Отец шёл от кузницы до самого дома неспешной походочкой, а братьям-то не терпелось. Оставили его и понеслись скорее. Возле дома красивый и важный петух старался не обращать внимания на летящие в него камешки — это малышня развлекалась — Гришка, Танька да Нинка. Детей у Шарыгиных было много. Отец, когда его спрашивали, отвечал с усмешкой:

— Больше, чем в пятерне пальцев.

А на самом деле от старшинства к мелюзге — Витя, Женья, Вова, Тоня, Ваня, Гриша, Тая, Нина, а на сладкое — Саша и Шура, то есть, раз близнецы, то и быть им одинаковыми — Александр и Александра. Иван придумал для них общее прозвище — Сашурики.

— Гришка! Опять отца вызверишь! Кончайте петуха бомбить! — успел крикнуть Ваня, вбегая за братьями в дом. Дальше он помнил нескончаемое ожидание того, когда же, наконец, старшие наладят чудесный аппарат. И вот...

“Рубин-102”. Какое величественное и прекрасное слово “рубин”! Рубиновые звезды Кремля — что ещё надо? А какая могучая цифра 102. Не 100 ровно, и не 101, а именно 102. Крепкая такая цифра, 103, 104, 105 — уже лишнее, а 102 — вполне достаточно. И это “Рубин-102” заработало!

Вся семья была в сборе, уселись на диван и стулья. И только армия держала на далёком Сахалине третьего по старшинству Володю. Экран стал медленно загораться. Мать перекрестилась на иконы, стоящие на шкафу, и сказала:

— Ну, дай Господи, чтобы заработало!

— Мам, двадцатый век, телевизор в доме, убери ты это! — не утерпел Женья, на что получил суровое:

— Я вот те уберу кое-что!

Шарыгины никогда убеждений своих не меняли.

И вот тут-то на экране прыгнула черная пантера — вратарь Яшин ловил мяч. Шли новости. Захватывающие моменты финального матча чемпионата Европы 1960 года во Франции. Диктор вещал: “Но наш прославленный вратарь Лев Яшин в головокружительных прыжках отразил все удары югославской сборной. Недаром он носит прозвище “Чёрная Пантера”! В дополнительное время, прорвавшись по правому флангу, Слава Метревели перебросил мяч на Михаила Месхи, тот навесил в штрафную площадь, и Виктор Понедельник в прыжке отправил головой мяч в ворота югославов. Сборная СССР стала первым чемпионом Европы, завоевав во Франции золотые медали и европейский кубок”.

Все дети Шарыгиных дружно вскочили и громко закричали:

— Уррраааа!

И это ура было всему — и советской сборной, и Льву Яшину, и Виктору Понедельнику, и нашему спорту, и нашим достижениям, и всей нашей необъятной и прекрасной державе с гордым названием СССР.

— Да вчера же по радио слушали трансляцию! — усмехнулся отец. Мол, эй, как будто впервые узнали.

— Всё равно — урррра!!! — крикнул Гриша.

— Уррраааа! — закричал и Ваня, схватил под попу двухлетнюю Сашурочку и на вытянутой руке поднял её над собою.

— Уронишь! — встревожилась мать.

— Не уронит! — засмеялся отец.

— Кубок Европы у нас! — воскликнул Иван, но кубок уже испугался и заплакал. — Не плачь, кубок! Мы тебя никому не отдадим!

С этого искрометного дня Ваня заболел футболом. Будущее определилось для него раз и навсегда — он будет таким же, как Яшин. Льву Ивановичу уже за тридцать, ещё лет десять, и он по возрасту уйдёт из большого спорта, тогда его место в воротах Родины займёт Иван Шарыгин.

Полёт Гагарина лишь слегка пошатнул будущую футбольную карьеру, но она быстро, как неваляшка, встала на своё место. В школе мальчишки застолбили за собой все будущие полёты в космос на много лет вперёд, в этом расписании могло найтись место и для Ивана, кто-нибудь бы подвинулся, но он разрешил одноклассникам лететь без него. К четырнадцати годам он защищал ворота не хуже Льва Ивановича и прыгал в верхний угол, как и полагается уважающей себя “пантере”.

Вот он стоит в воротах, высокий, гибкий, ловкий. Отбивает мяч из одного угла, тут же бежит в другой угол и там ловит мяч, подминает его себе под живот, скручивается вокруг мяча, как Яшин, тотчас вскакивает, торжествуя стучает мячом о землю, вбрасывает его в поле. Он великолепен, весь так и светится азартом игры. В прошлом году на чемпионате мира в Чили наши в четвертьфинале проиграли хозяевам. Яшин получил сотрясение мозга и к этому матчу оказался в плохой форме, отчего и пропустил два гола с дальней дистанции. Скоро второй чемпионат Европы... Вдруг в Норку невзначай приезжает какой-нибудь футбольный специалист, видит Ивана и кричит: “Немедленно его в Москву! Усиленно тренировать! Будет запасным у Яшина!”

— Конечно, поставили этого верзилу на ворота, хрен его пробьешь!.. Шар-рыга!

Услышав эти слова, Иван оглянулся и увидел Алика Бавыкина. Этот губошлёп из класса на год старше давно невзлюбил Ивана. За что? За девочек, которые заглядывались на Шарыгина и потешались над невзрачным Аликом, безнадежно влюблённым в них, во всех сразу.

Норка — огромное село, родившееся благодаря звероводству. Здесь издавна заготавливались меха, отсюда шла на запад России превосходная норка, давшая и название населённому пункту. Отец Бавыкина работал директором заготконторы, отчего и семья у них была самая зажиточная. Вот только вопрос: почему? Если бы на государственном уровне разрешалось с каждой сотни меховых шкур брать одну себе, тогда понятно.

— Что тут непонятного, — усмехался отец, когда Иван задавал ему эти вопросы. — Существуют планы заготовок, в них вписан процент отбраковки. Ну, и кумекай дальше.

Неужели отец Алика, солидный человек с красивым именем Трифон Ермолаевич, отбраковывает хорошие шкурки и перепродает их? Этого не может быть, ведь советская власть не допустит, есть же органы ОБХС — отдела борьбы с хищениями собственности.

— Богатые, а ребёнка только одного завели, — ворчала мать на Бавыкиных. — Другим бы такое богатство, таким, как мы, многодетным...

— Мы и без богатства детей поднимаем! — возмущенно спорил отец, и Ваня был с ним полностью согласен: богатство советскому человеку ни к чему.

В начале тридцатых годов русский авантюрист Борис Скосырев, выдававший себя за графа Оранского, представил Андорре план реформ, благодаря которым сие мелкое государственное образование могло якобы стать полностью независимым от Испании и Франции. Он так запудрил мозги доверчивым андоррчикам, что те провозгласили его королем Андорры Борисом I Оранским! Правил король Борис целых шесть дней и первым делом принялся учреждать игорный бизнес, как в Монако, но явились пятеро бравых испанских гвардейцев и взяли его за шкуру. Суд, год тюрьмы, высылка в Португалию, затем во Францию, отсидка в лагерях — сперва во французских, потом в ГУЛаговских, остаток жизни он провёл мелким рантье в Германии. И всё же, хоть несколько дней, да пожил королём! И даже успел

ненадолго поменять флаг Андорры, повернув триколор вдоль. После изгнания Бориса I андоррцы вернули полосы в изначальное вертикальное положение, но, что любопытно, в советских справочниках и даже в Большой советской энциклопедии этот триколор публиковался в скосыревском варианте.

Но здесь, на дорожку Монреальского стадиона, флаг Андорры выходил в своем исконном виде — синяя, жёлтая и красная полосы, поставленные вертикально, на жёлтой — герб маленьких, но гордых андоррцев.

— Всё, братики, пошла деревня Андоровка! — потирая руки, радостно произнёс Шустиков. — Кончилось наше ожидание!

Радость в его лице сменилась сильной заботой, как только он глянул на Ивана и вспомнил:

— Ваня, Ваня, Ваня! Подумай! Ещё есть время, Ваня!

Долго ли, коротко ли, но в гости к шарыгинскому кулаку бавыкинская морда всё же пришла. Иван возвращался домой после школы и двух часов футбола, а Бавыкин стоял с одноклассницами, и одна из них, Лена Байкалова, позвала:

— Шарыгин! В кино не хочешь сходить с нами?

Иван остановился, задумался, что ответить. По его понятиям, в кино приглашали парни девушек, а не наоборот.

— Если денег нет, я могу тебе купить билетик, не стесняйся, — губо-шлёпнул Бавыкин.

— Чего это у меня денег нет... — пробормотал Иван. Денег у него и впрямь не было. — Просто нет охоты. Спасибо.

И он пошёл было дальше, как вдруг услышал совсем уж наглые слова Бавыкина:

— Какое кино? Ему отцу помогать надо. Самогон варить.

Иван оглянулся:

— Это ты зря.

Девушек заинтриговало:

— Самогон? Что, правда?

— А то нет! В доме у них мамаша нарожала, кормить-одевать нечем, в кузнице молотком много не намахаешь. Вот и варят.

— А это ты уже совсем зря, — грозно произнёс Шарыгин.

— Да не может быть! — не поверила Байкалова и посмотрела на Ивана влюблёнными глазами.

Кулаки у него уже сжимались. Бавыкин не рассчитал своей наглости:

— Да как не может быть! У них это семейственное. Оттого и фамилия произошла. Что такое “шарыга”? Это который шары свои залил. Алкаш, значит. И сами шары заливают, и других спаивают.

— Ну, а это уж совсем ни к чему.

Вернувшись домой, Иван первым делом решил сесть за уроки. Саша и Шура молча подошли и встали рядом.

— Ну что, Сашурики, опять хотите, чтобы я вас в небо подбрасывал?

— Надо, — кивнула головой Шура.

Пришлось позапускать их немного в космос, куда деваться? А тут по “Рубину” новости. Телевизор в семье Шарыгиных так и не стали называть телевизором или теликом. Говорили с уважением: “Рубин”. Что сегодня вечером по “Рубину”? “Отец, включи “Рубин”, пожалуйста”. “Хватит с утра до ночи “Рубин” глазами сверлить!”

По “Рубину” шёл репортаж: “Двадцать третьего октября на стадионе Уэмбли ворота сборной мира в матче против сборной Англии будет защищать Лев Яшин, получивший в этом году приз лучшего футболиста Европы — Золотой мяч”.

Вошёл отец с деревянной свистулькой.

— Ванька, опять после школы два часа футбол? Чем с мячом гонять, лучше дров наруби. Силу для пользы надо применять, а не так, шаляй-валяй. И уроки садись учи. Это полезней будет.

— Вот увидишь, батя, я буду, как “Чёрная Пантера”! Следом за Яшиным буду я, Шарыгин.

— Ну, это ты зря... Я да я! Ялкалка!

Отец протянул свистульку Сашурику.

— Ну-ка, подуй-ка сюда, сыночек.

Иван сел за уроки, но тотчас вспомнил, о чём хотел спросить отца:

— Бать, а откуда такая наша фамилия — Шарыгины?

— Шарыгины-то? Так, известное дело, самая сибирская фамилия наша. Каторжная. Что такое шарыги? Это такие кандалы были при царском режиме.

— Кандалы?

— Ну, и не только. Ещё шарыгами называли крепких людей, у которых мускулы, как шары. Люди крепкого физического труда — бурлаки, чернорабочие, грузчики. На речных судах гребцы тоже шарыгами назывались. Короче, в фамилии нашей содержится что ни на есть крепость и огромная сила.

У Ивана аж дух захватило от гордости.

— А чего ты вдруг фамилией нашей озаботился?

— Да тут один... Говорит, шарыга значит пьяница, алкаш. Который шары заливает.

— Кто ж такую брехню распускает?

— Да Алик Бавыкин.

— Меховой сыночек? Ну, это он совсем ни к чему. Дурак твой Бавыкин. И подлец порядочный. Недаром ему то и дело харю чистят. Надо же — Алик! Нет такого имени. А вот в городах, я слышал, как раз аликами алкашей-то и называют. Садись, говорю, за уроки!

— Так я ему рожу-то и начистил, батя! — засмеялся Иван.

— Ну, за такие слова нельзя было не навалить. Сильно накувалдил?

— Порядочно.

— Как бы в милицию не заявили. У его отца всюду всё схвачено. Федьку Бережного на пятнадцать суток отправили. Также за Алика.

Антильские острова входят в состав королевства Нидерландов, но их небольшая сборная выступает под своим флагом, и это белое полотнище с красной и синей полосами, положенными одна на другую крест-накрест, двигалось по дорожке стадиона Биг-О сразу за Андоррой. За жителями островов Карибского моря выходили посланники Саудовской Аравии под своим зелёным знаменем с белой саблей и белой арабской вязью: “Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — его посланник”. У саудитов свои заморочки с флагом: чтобы надпись одинаково читалась с обеих сторон, знамя сшивается из двух одинаковых полотнищ. Надпись считается настолько священной, что флаг Саудовской Аравии единственный, который никогда не опускают ни при каких траурах.

Исаков стоял на стадионе и смотрел в бинокль, но не на шествие знамен, а на трибуны, пытаясь в ком-нибудь угадать возможного стрелка. Он видел представителей канадских спецслужб, шастающих по трибунам с растерянным видом. Вряд ли они смогут случайно наткнуться на убийцу. Это было бы чудо. Вон тот чужак с огромной хлопушкой — они подошли к нему, поговорили, повертели в руках хлопушку, могли бы и внутрь заглянуть при таком-то форсе-мажоре, так нет, извинились и отошли себе.

Как же хорошо всё складывалось, такой успех наших олимпийцев! Сорок девять золотых медалей, на пятнадцать больше, чем у американцев, занявших третье место после ГДР. В общем зачёте сто двадцать пять медалей. Тут америкашки на втором месте, но с девятью четырьмя медалями. Из стран-участниц, вошедших в первую десятку, семь из соцлагеря — СССР, ГДР, Польша, Болгария, Куба, Румыния и Венгрия, и только три капиталиста — США, ФРГ и Япония. Какой триумф!

И как бы не наломать дров под занавес!

Время шло, чудо не совершалось, никто не приезжал и не увозил великого вратаря Шарыгина в сборную, запасным к Яшину, и великий вратарь корпел над уроками. Зевая, богатырски потягивался, смотрел на вырезки из газет с фотографиями Льва Яшина и Юрия Гагарина. Они смотрели на него с любовью, пониманием и сочувствием.

— Ладно, за меня не переживайте, всё ещё впереди. Не попаду на чемпионат Европы, подождём чемпионата мира в Англии. Что говорите? Дров наколоть? Ладно, сделаем.

Хряп, хряп! Весело раскальваются чурбачки. Иван с удовольствием колет дрова во дворе дома. Неподдалёку Володя и Гриша пилят. Володя недавно из армии вернулся. Отслужили старшие Шарыгины, теперь через два года очередь Ивана.

К забору подошли четверо мужиков — Захар Добрынин, Виктор Трескин, Павел Скоков и Алексей Новиков. С ними и Бавыкин. Давно ли по морде получал... С тех пор кое-как помирились, Алик извинился за то, что клеветал на Шарыгиных, Иван — за пару зуботычин. Стоя среди четырёх мужиков, Бавыкин позвал:

— Эй, Шарыга! Кончай дрова колоть! Дело есть.

— Какое ещё дело?

В переговоры вступил Трескин:

— Иван! С Захаром будешь на поясах?

— Мы поспорили, я говорю, что Захара тебе точно уж не одолеть, — сообщил Новиков.

— Куда ему против Захара! Я тоже на Захара поставил, — с вызовом добавил Алик, а Трескин пояснил:

— По трояку поставили. Мы с Павлом за то, что ты одолеешь.

Иван поставил топор в сторонку, осмотрел Захара. Захар — мужик лет тридцати, крупный, с виду опасный. Но попробовать можно.

— Ну ладно, пойдём. Посмотрим, кому трояк достанется.

— Если чо, с меня пиво, — пообещал Трескин.

— Мы, Шарыгины, не пьём.

Бавыкина опять нечистый за хвост дернул:

— Ха-ха! Сказанул! Не пьют они...

Иван посмотрел на него своим особенным взглядом:

— Это ты зря.

Второго предупреждения уже не требовалось.

Под вывеской “Восточно-Енисейский леспромхоз” на дворе большой лесопилки собралось мужиков человек двадцать. Все гадали в предвкушении поединка:

— Да куда ему против Захара!

— Придумали тоже! Ваньке пятнадцать, а Захарке тридцатник.

— Так Ванька всех кладёт. Пронского положил, на что уж тот бугай! Пронскому тоже тридцать.

— Ну, хватит опилки сыпать, уже не покалечатся.

Из опилок насыпали для борцов толстый ковёр. Иван и Захар затянули пояса, встали друг против друга. Захар подмигнул Ивану. Шарыгин в ответ сделал скучающее лицо. Взял друг друга за пояса. Начали бороться. Иван худой, но мускулистый, однако у Захара масса тела вдвое больше. Кажется, победа будет за ним. Но Иван вдруг сделал резкое движение, приподнял Захара и ловко повалил его на лопатки. Некоторое время оба барахтались в брызгах опилок, но Иван сверху давил настойчиво, и минут через пять Захар перестал сопротивляться. Пошёл дождь. Иван, довольный, победно встал во весь свой рост, сияя, весь в мокрых опилках, золотистых и рыжеватых, как его волосы. Подал руку Захару, помог ему встать.

— Ну, ты медве-е-едь! — смущённо, стараясь не выдать досады за своё поражение, сказал Захар.

— Я не медведь. Я — Иван Шарыгин.

Иван скользнул беглым взглядом по восторженным лицам мужиков. Трескин толкнул Новикова, и тот нехотя протянул ему зелёный трояк. Поморщился, но тотчас тоже присоединился ко всеобщему восторгу:

— Видали? А парню всего пятнадцать лет! Не перевелись в Сибири богатыри!

— Эй, Бавыкин, — толкнул Алика Скоков, — с тебя тоже трёшка! Или не успел у папани свистнуть?

Бавыкину не жаль трёшки, жаль, что Захар не помял бока Ивану. Брезгливо достал три рубля, отдал мужикам.

— Да заберите! Шар-рыга!..

Он сплюнул и учесал прочь, а Иван радостно принял рукопожатия мужиков.

— Чего это тебя Алик так ненавидит?

— Это он зря...

— Понятное дело, девки все по Ивану сохнут, а этому сморчку: “Пошёл вон, дурак!”

В тот год, когда русские сразились с французами на Бородинском поле, Испания, изнывающая под сапогом Наполеона, теряла свои колонии в Южной Америке. Генерал Бельграно разгромил испанцев и впервые поднял над своей Аргентиной знамя, которое с тех пор не менялось. Аргентинцы, как и граждане всех стран мира, трепетно относятся к нему, и даже самый первый фильм, снятый в этой стране, назывался не как-нибудь, а “Аргентинский флаг”!

И вот полотнище с двумя небесного цвета полосами, разделенными третьей полосой белого цвета, на которой сияет золотое солнце, поплыло над Олимпийским стадионом Монреаля, где аргентинцы не получили ни одной медали, даже бронзовой.

— Как медленно плывут эти знамена! — проворчал Исаков, на что стоящий поблизости Даниличев возразил:

— Да что вы, Павел Игнатьевич, по-моему, так слишком быстро чешут. Помедленнее бы. Глядишь, хоть как-то, да обнаружат шакала.

— Не думаю. Ох, беда!..

Беда явилась в дом Шарыгиных неожиданно, и тогда-то припомнили, как приходил бродяга-провидец. Случилось это, когда Ивану ещё только лет пять было. В кузнице работали отец, Женья и Володя, а Ванька ещё только так, принохивался к кузнечному жару, хотя руки свои то и дело куда надо и не надо совал. Сам он про тот случай не помнил, но когда после принялись вспоминать, ему стало казаться, будто и он что-то такое припоминает.

Отец, как обычно, пел. И вдруг в кузницу вошёл незнакомый человек. Тихо так прошёл, сел на лавку. Только тут на него обратили внимание. Вроде не молодой, но и не старей. В голове седина, хотя и не весь седой. Одет обычно: штаны, гимнастёрка, ватник. Но в лице что-то такое... Весьма необычное. Сразу видно, что человек этот — странник.

— Ничего, что я тут посижу у вас?

Отец пожал плечами:

— Отчего же нельзя? Может, водицы желаете, дедушка?

Странник ответил:

— Работайте, кузнечики, не хлопочите обо мне. Я когда-то сто лет назад тоже в кузне работал. Желательно поглядеть, как вы это дело справляете.

Отец переглянулся с сыновьями: ага, мужичок-то с приветом!

— Ну, как хотите. А то там и квасок имеется. Вам что же, сто лет?

— Да кто же его знает. Сколько мне лет? Уже несколько... — последовал ответ.

Отец ещё раз переглянулся с сыновьями, и они продолжили обрабатывать детали для геологической партии. Огонь, удары молотков, искры... Отец по своему обычаю запел, громко, по-оперному:

*Жили двенадцать разбойников,
Жил Кудеяр-атаман.
Много разбойники пролили
Крови честных христиан...*

Подозвал к себе младшего:

— Ванюша, сходи, возьми у меня в сумке кусок хлеба, начерпни кваса да подай человеку.

Ваня приказ отца исполнил, странник поблагодарил, молча съел хлеб, запил его квасом, затем встал, перекрестился.

— Спаси Христос вашу общую кузницу! Спасибо за хлеб да квас. Что не прогнали перехожего. Бога не забывайте.

Он посмотрел на отца:

— Ты, Николай, деревьев не боишься, а в один-то день побойся.

Посмотрел на старших братьев:

— Ты, Евгений, на катере не лихачь. На здешних реках пороги, сам знаешь, какие. А ты, Владимир, в дождь трактора опасайся. Да оба смотри-те за своей правой ногой.

Отцу вдруг эти пророчества страшно не понравились, и он грозно сказал страннику:

— Это ты зря.

Но тот невозмутимо продолжил:

— Не перебивай. А этот ваш головастый, — он кивнул на Ивана, — много славы иметь будет. Хорошие люди любить его будут. А плохие ненавидеть.

Он наклонился к Ивану и улыбнулся ему:

— Только, когда едешь, не кричи: “Давай быстрее!” И с флагом поосторожнее. Хороший ты парень. Божий. И человеческий.

С этими словами странник тихо вышел из кузницы. Отец крикнул вдогонку:

— Уважаемый! А откуда ты нас по именам знаешь?

Но того уже и след простыл.

Вскорости и забыли про того странника. Однако прошло время, и одно из его предсказаний сбылось. Про Женю. Он после службы в армии как раз на катере мотористом устроился. Гнал свой катер, вёз пассажиров, поклажу. Один пассажир в живых остался, и потом рассказывал, что его всю дорогу что-то глодало, он просил:

— Евгений, ты бы не гнал так катерок-то. Куда несёмся-то? Успеем!

А тот ему:

— Кто не рискует, тот не пьёт шампанского...

Их занесло на пороги, Женя не справился с управлением, катер перевернулся, с грохотом ударился об камни. Двух пассажиров убило об камни, а третий, весь переломанный, вылез на берег и вскоре увидел, как лодку выбросило из воды вместе с Женей. Повреждённым бортом ему заклинило правую ногу, и он захлебнулся.

Так не стало у Николая Сергеевича и Екатерины Петровны Шарыгиных одного из сыновей.

На поминках вспомнили про странника с его предсказанием.

— Да ну, чепуха это все! — махнул рукой Володя.

— А если нет? — пригорюнилась мать. — Что он там про остальных говорил?

— Мне деревьев бояться, Володе — дождя, а Ваньке — флага, — ответил отец.

— И не кричать “Быстрее!”, когда на машине едешь, — добавил Володя.

— А ещё сказал, что у Ивана слава будет огромная, то ли на всю Сибирь, то ли на всю страну, а то ли даже на весь мир, — утешил отец.

Горестно было осознавать, что погиб Женя, но предсказание про будущую славу настраивало на бодрый лад. Быть ему новым Львом Яшиным, если не больше. Быть!

На второй чемпионат Европы по футболу его не вызвали, не пришло время. Да и где его кто увидит в Норке? Зато Агабан — город куда более значительный, сто пятьдесят тысяч жителей, тут спортивных школ множество, всякие люди приезжают, в том числе и на местный футбол поглядеть. В шестнадцать лет Ваня переехал сюда, учился одновременно в десятилетке и в автошколе, при которой сколотилась крепкая футбольная командочка.

И вот вам афиша:

“11 июня 1965 г.

Матч на первенство Агабана по футболу.

СК “Автомобилист” — СК “Молодость”

Начало: 18:00”.

К афише подошли пожилой директор строительного техникума Бурьгин и тридцатилетний спортивный тренер того же техникума Чашкин, по национальности хакас.

— Не желаете ли посмотреть футбольный матч? — спросил Бурьгин.

— Даже не знаю... — замылся Чашкин.

— Пойдёмте, Василий, не пожалеете. У автошколы в воротах стоит такой амбал — пальчики оближешь! Трудно пробиваемый. Нам бы такого в нашу команду, мы бы тоже могли за первенство города побороться.

— Уговорили. — Слово “амбал” подействовало на Чашкина, как на борца.

И они пошли смотреть футбол, к которому Чашкин в целом был равнодушен. На воротах агабанской команды “Автомобилист” стоял огромного роста и крепкого телосложения юноша. Атака, сильнейший удар в створ ворот, а этот амбал на месте отбивает мяч, потом ловит его и бросает далеко-далеко, на середину поля. Какая сила в движениях и одновременно какая грация!

Чашкин в восторге смотрел на него. И такой кадр пропадает в футбольных воротах!

— И как зовут этого молодого Геракла?

— Иван. Иван Шарьгин.

В перерыве Чашкин рванулся в раздевалку “Автомобилиста”. Среди мелькания полотенец, которыми растирались игроки, высветились лобастые черты вратаря.

— Здравствуйте! Вы — Иван Шарьгин?

— Здравствуйте. Он самый.

— Вам сколько лет?

— А что такое?.. Семнадцать скоро.

— Иван, вы понимаете, что можете стать по-настоящему великим спортсменом?

— Само собой.

Вот оно! Долгожданное чудо! Явился ангел из небесного футбольного мира. Чахленький, правда, раскосенький, но да какой есть.

— Меня зовут Василий Иванович. Фамилия...

— Чапаев! — гоготнул стоявший неподалёку защитник Филечкин.

— Нет, хотя тоже на Ча, — Чашкин. Я профессиональный тренер. Сегодня впервые увидел вас, Иван, и сразу понял, что можно вылепить из этой глыбы. Еле дождался, когда кончится первый тайм.

— Ну, наконец-то! А то я всё жду, когда меня пригласят в большой футбол. Очень приятно, Василий Иванович. А я — Иван Николаевич.

Они пожали друг другу руки, но тотчас сказка окончилась:

— Какой там большой футбол! Какой мяч! Парень, ты же создан для ковра! Цены тебе на нём не будет...

— Какого еще ковра?

— Ковра-самолёта, — снова пошутил Филечкин.

— Борцовского, — сказал Чашкин.

— У-у-у... А я-то думал... — огорчился Иван.

— Понимаю. Мечтаете быть новым Львом Яшиным.

— Нет. Иваном Шарьгиным.

— И вы им будете. Но не на зелёном поле, а на борцовском ковре.

— Так вы тренер по борьбе?

— Да. Тренирую ребят в строительном техникуме.

Иван снова протянул свою руку для пожатия. Чашкин радостно схватил её, стал трясти.

— Стало быть, по рукам!

— Стало быть, до свиданья, Василий Иванович.

— Погодите...

— Некогда. Второй тайм.

По знаку тренера Иван и другие футболисты стали покидать раздевалку, побежали на поле.

Вернувшись на трибуны, Чашкин теперь уже с негодованием взирал на его виртуозную игру, как он снова и снова ловит опасно закрученный мяч.

— Вот собака!

— Кто?

— Да этот ваш лобастый болван, Шарыгин.

— Он же вроде бы вам нравился.

— А теперь нет.

Крыж — верхний угол флага у древка. В крыже флага Австралии — британский флаг “Юнион Джек”, из-за чего, когда он был принят, о нём писали: “Умы медленно меняются, и Австралия до сих пор является мальчуганом Британии”. В Монреале двести австралийских спортсменов не смогли завоевать ни одной золотой медали. Однако это не мешало им с гордостью и под аплодисменты канадцев, долгое время бывших такими же мальчуганами Британии, идти по дорожке стадиона и нести своё синее знамя с Джеком и белыми звездами.

— Я бы вообще сделал так, — продолжал суетиться Шустиков. — На церемонии открытия — ладно, пусть уж все, кто приехал, со своими флагами чапают по стадиону. Но на закрытии — шалишь! Только те, кто хоть одну золотую медаль взял. Ну, или ладно, хрен с ними, пусть и те, кто хоть одну бронзовую. Что, не так? Парад победителей!

— А как же — главное не победа, а участие? — усмехнулся Сосланов.

— Психология неудачника! Да, я в жопе, но зато поучаствовал.

Последнее высказывание Броневишка вызвало дружный смех.

— А что, нет? — радовался Шустиков, что он снова в центре внимания. — Видал я таких участников на собачьих свадьбах. Бежит этакий цуцкич позади всех, его все кусают. Ничего ему не обломится, но он всё равно бежит с важным видом — участвует!

— Лён, ну, ты уже всех уморил, — сделал ему замечание Иван. — Дойдёт до нас очередь, мы на дорожку выходим и все дружно ржём. Ты это-то хочешь?

— Ваня, Ваня, ты меня не трогай, я в твою сторону даже и смотреть не хочу, — заслонился от сибиряка Шарыгина сибиряк Шустиков.

Чашкин достал. Ходил за Иваном по пятам, как влюблённый юноша, не обращающий внимания на истошное: “Ну, не хочу я тебя!”

В очередном матче “Молодость” проиграла со счётом пять-ноль “Автомобилисту” и была временно переименована циниками в “Старость”. Недели через две после такого позора Шарыгин сидел тихо-мирно в общежитии агабанской автошколы, играл в шахматы с Андрюхой Ниткиным и вместе со всеми обитателями комнаты слушал по радио репортаж об отборочном матче чемпионата мира. Закончился первый тайм, и диктор уныло подытожил:

— Итак, после гола Метревели на третьей минуте матча наша сборная ничего не смогла сделать против сильнейшей обороны сборной Дании и уходит на перерыв при счёте один — ноль...

Андрюха неуверенно пошёл пешкой, но вернул её на место и произнёс:

— Да, хорошо бы хотя бы один — ноль и осталось.

Иван рассердился:

— Ты ходить будешь когда-нибудь?

Ниткин почесал затылок:

— Да что тут ходить, ты опять выигрываешь! Во всём первом хочешь быть всегда.

В комнату заглянул ещё один из парней автошколы Миша Попов:

— Ваня! Там опять этот тренер чокнутый. Тебя просит!

Ивана взбесило. Или, как он всегда выражался по-отцовски, “вызверило”.

— Ну, ё-шкар-ола!

— Иван, он тебя прямо как девушку окучивает! — засмеялся Андрюха. — Прямо жениться хочет.

— Да пошёл он!

Несмотря, с недовольным видом Шарыгин вышел на улицу, где его поджидал Чашкин:

— Добрый вечер!

— Василий Иваныч, ну, я же наотрез отказался. Чего вам ещё надо? Да говорите быстрее, пожалуйста, а то там наши с датчанами отборочную играют. Не шутки!

Чашкин посмотрел на него с ненавистью:

— Иван, слушай! Я тебя уверяю, ты создан для ковра. Приходи ко мне на тренировку завтра. Больших успехов достигнешь.

Иван застонал:

— Ну, не хочу я!

— Хочу — не хочу... Да поздно тебе в большой футбол стремиться...

— Яшин с восемнадцати начал, а мне ещё семнадцати нет.

— Так то когда было! После войны. А сейчас шестьдесят пятый год,

Ваня. Футболистов чуть ли не с пелёнок начинают готовить.

Иван тяжело вздохнул, но продолжил борьбу:

— А борцов не с пелёнок? С ползунков?

Чашкин не мог не согласиться. Борцов тоже начинали уже с самых ранних лет тренировать.

— Иван... Ну, хоть попробуй. Не понравится в зале — никуда твой футбол не денется. Но учти, ты создан для борьбы. Это я тебе как специалист говорю. Неужели не хочешь стать чемпионом мира?

Иван усмехнулся:

— Чемпионом-то какой же дурак не хочет...

Чашкин приободрился:

— Отборочный, говоришь?.. Не отпущу, пока не пообещаешь, что придёшь завтра в шесть.

— Короче, так... — начал было Шарыгин и задумался. — Короче так: если наши во втором тайме забьют датчанам ещё пять голов, приду завтра.

Чашкину захотелось дать ему по харе.

— Вань! А нельзя ли посерьёзнее?

Иван буркнул “досвида” и возвратился в общагу.

— Пять голов!.. Вот морда! — сплюнул Чашкин.

А через сорок пять минут будущий Лев Яшин — Иван Шарыгин — замер с фигурой ферзя над шахматной доской, играя уже с Игорем Пановым. Все в комнате возбуждённо слушали радиоприёмник, окончание репортажа. Ниткин даже стоял перед источником вещания на четвереньках, как собачка перед предлагаемой ей сосиской. В радиоприёмнике прозвучал финальный свисток и ликующий, даже пьяный голос диктора:

— Итак, забив во втором тайме пять голов, сборная СССР покидает поле Центрального стадиона имени Ленина, одержав сокрушительную победу над сборной Дании: шесть — ноль!

— Это они зря... Вот ты ж понимаешь!.. — И Шарыгин громко припечатал шахматную доску победоносным ферзём.

Если бы австрийцы слышали рассуждения Шустикова о собачьей свадьбе, они бы поморщились, но не обиделись, поскольку одну бронзовую монреальскую медальку они всё-таки отхватили.

Отношение к знаменам у австрийцев особо пламенное. Помнится, в одном сражении, в котором наши и австрияки участвовали как союзники, победу обеспечили русские, а знамена врага почему-то оказались в руках австрийцев. Суворову пожаловались, на что Александр Васильевич махнул рукой: “Ах, оставьте! Мы-то себе ещё раздобудем, а им, бедолагам, где взять?”

Когда-то во время Крестовых походов белые одежды Леопольда Австрийского после битвы оказались полностью залиты кровью, но когда он снял с себя широкий пояс, под ним обнаружилась белая полоса. Так появился красно-бело-красный флаг Австрии, существующий и поныне.

Какая страна в мире до сих называется “Восточная империя”? Это Австрия. Потому что сами австрийцы называют свою страну “Österreich”. А на гербе какой страны мира до сих пор есть серп и молот? На гербе Австрии. Чёрный орёл держит в лапах именно эти символы труда. И этот чёрный орёл сидит на белой полосе знамени, плывущего по почётной дорожке стадиона Биг-О.

А в своём родном Агабани сорокалетний Чашкин сидел перед телевизором и ждал, когда появится советская сборная, чтобы увидеть своего Ивана, человека, добившегося наибольших успехов из всех, кого Чашкину довелось тренировать. И вспоминалось, как Шарыгин пришёл к нему, будто с повинной.

Как невзначай брошенное слово может оказаться судьбоносным! Сказал Ваня: “Если наши забудут ещё пять голов...”, — и думал, что не забудут. А они взяли, да забили. Говорил, что никогда не будет борцом, и что же?..

На другой день после столь решающей в его судьбе победы наших над датчанами Шарыгин пошёл в кино ещё раз посмотреть “Живёт такой парень”. Нравился ему этот фильм Шукшина. И не только тем, что в нём родные сибирские просторы. Нравился сам герой — вроде бы шалый-валяй парнишка, ни то ни сё, без царя в голове. А когда надо спасти людей, не задумываясь бросается, рискуя жизнью. Такими же были Матросов и Гастелло. Настоящая русская натура.

Перед фильмом шли прошлогодние “Новости дня”, и вот на тебе — опять про борцов, как они побеждали на Олимпиаде в Токио. На ковре красавец Александр Иваницкий, ставший чемпионом в тяжёлом весе. Невооружённым глазом и не увидишь, что он такое делает, чтобы соперник неожиданно лёг на лопатки.

А вот уже Александр Медведь, и голос комментатора наполняется едва заметным особенным теплом:

— Когда кто-то из журналистов сказал ему: “Вы настоящий медведь!”, — наш олимпийский чемпион ответил: “Да, только без шерсти!” На Олимпийских играх в Токио Александр Медведь завоевал золотую медаль в полутяжёлом весе. В финале ему хватило всего тридцати девяти минут, чтобы уложить на лопатки болгарина Вылко Костова.

Кончился киножурнал, по обыкновению тех лет предварявший собою показ художественного фильма. Начался сам фильм, и Шарыгин пытался переключиться на него и не мог. Почему-то всё казалось, что к главному герою Пашке Колокольникову вот-вот подойдет Чашкин и скажет: “Ты будешь чемпионом по борьбе!”

На третий день Иван явился к Чашкину.

— Ну что? — спросил Чашкин.

— Как что? Пришёл вот.

— Зачем?

— Как зачем! Наши-то забили.

— Что забили?

— Пять голов.

— Ничего не понимаю. Какие пять голов? Какие наши?

— Да ладно вам, Василий Иванович! Шарыгин своё слово держит. Хоть и ляпнул сдуру, а отвечать приходится.

Дима, Дима... Мелкий шкет, а туда же! Иван, когда его увидел, чуть не сказал: “Ну, это несерьёзно”, — да боялся обидеть человека. А этот Дима, который чуть ли вдвое меньше Ивана...

— Ну, давай, Иван, тебе ничего не стоит, сейчас ты его повалишь. А нука, Дима!

Иван уверенно налёг на соперника, но произошло нечто неожиданное: он вдруг оказался на ковре на лопатках, даже не сообразив, какой именно ловкий ход использовал этот Дима.

— Ого! Ну, ты, шкет, даёшь!

Чашкин тут как тут со своей издёвочкой:

— Да, Иван, видно, тебе и впрямь лучше в футбол вернуться.

— Я же говорил... — промычал Шарыгин, хмурясь.

— Ну, ладно, иди переодевайся. Что ж... — развёл руками Чашкин, мол, извини, я в тебе ошибся, не та ты птица.

Ивана задело:

— А ну, как это делается?

Он снова встал в стойку и начал бороться с Димой. Тот снова перевернул его и повалил. Позорнее не бывает! И Чашкин снова:

— Да, Медведем тебе не быть. Придётся опять в рядовые Львы Яшины податься.

Иван выпрямился и принял позу раздражения — руки скрещены на груди.

— Это вы зря... Медведем не быть. И Львом. Я буду Шарыгиным!

Он вошёл в азарт, снова сделал попытку побороть Диму, и тот снова его повалил, но на сей раз Иван уловил Димин приёмчик. Вскочил уже не обиженно и позу раздражения принял всего на секунду.

— Это уж ты совсем ни к чему...

Он снова вступил в схватку, и на сей раз Диминым же приёмом уложил Диму. Счастлив без меры. Ещё недавно чуть не слёзы брызгали из глаз, а теперь — лучи. Чашкин взбодрился:

— Это другое дело. Ну что, может, повременишь с футболом?

Когда после Кубинской революции буржуи всего мира вынуждены были отказаться от кубинских курортов, они перекочевали на Багамские острова, и их жители должны признать Фиделя Кастро святым за то, что он невольным стал тем, ко принёс Багамам благосостояние, а затем и независимость от Британии. И в Монреале они впервые выступали как спортсмены независимого государства. И хотя всего лишь поучаствовали, но свой флаг из чёрного треугольника, двух голубых полос и одной жёлтой несли с гордостью.

Впрочем, всё равно главой государства и на Багамах, и на соседнем Барбадосе остаётся английская королева, так что они тоже — мальчуганы Британии. Флаг Барбадоса очень подходит для пионерского праздника Нептуна: две синие полосы, между ними — жёлтая, а на ней — трезубец.

Незаметненько пройдя по Биг-О, не имеющие никаких медалей Багамы и Барбадос уступили место маленькой, но грозной Бельгии. Многие века она была составляющей государственных коктейлей: то в составе Бургундии, то в составе Франции, то в составе Нидерландов, пока, наконец, не стала самостоятельным напитком. Во время Первой мировой войны французы и немцы выбрали Бельгию полем сражений друг с другом, исколошматив бедную страну. А потом бельгийский флаг не сразу склонился перед Гитлером, за что бельгийцы подверглись репрессиям.

И в спорте бельгийцы не просто участники, а очень часто победители. Три серебра и три бронзы — в Монреале они могли с честью нести свое чёрно-жёлто-красное знамя.

Разница во времени между Монреалем и Норкой — одиннадцать часов, и когда в Монреале наступил вечер и началась церемония закрытия Олимпийских игр, в Норку ещё только пришло утро, но в доме Шарыгиных уже с пяти часов утра никто не спал — готовились смотреть трансляцию:

— Включайте “Рубин”!

Это уже был не тот “Рубин”. Тот, самый первый, заветный-многолетний, хранился в кладовке на особом месте. При случае его можно было и посмотреть, если другой сломается. Но теперь в центре внимания — тяжёлый цветной “Рубин-401”, купленный, конечно же, Иваном, когда он стал чемпионом Олимпиады в Мюнхене, и эти телевизоры всё ещё были огромной редкостью, особенно в сибирской глубинке.

Но сколько нужно было пройти ему, не “Рубину”, а Ивану, до сияющего чемпионства от позора первого соревнования.

В большом спортивном зале установлен пьедестал. На второй и третьей ступеньках уже стоят борцы с медалями на шее и с цветами в руках. Подаль — шеренга с другими участниками соревнований. С краю шеренги стоит понуро Иван. Объявляют: “На первую ступень пьедестала почёта вызывается чемпион первенства Хакасии 1966 года...” Но это не он, не Шарыгин. Шарыгин сломался в первых же поединках!

Понуро брел он по летним улицам Агабана.

— На хрена они забили эти пять дурррацких голов!

Его догнал Чашкин:

— Иван! Надеюсь, ты...

Иван посмотрел на него злыми глазами:

— Первое первенство... И самое последнее место!

И зашагал прочь, подалее от змия-искусителя.

— Иван!..

Оглянулся и совсем уж злобно:

— Да идите вы... Василий Иванович... Я вам не Петька!

И прыгнул в отъезжающий автобус. Чашкин задохнулся от обиды. Потом помчался было за автобусом, но остановился и тоже вызверился:

— Ну и хр-р-р-ен... с тобой!

В своей общежитской комнате Иван лежал на кровати ничком, богатырская рука свесилась до пола. Отец сидел за столом, пил пиво, ел вяленую рыбу. Как бы ему до фонаря, что люди гибнут за металл.

— Хорош муксун! Наш, енисейский. Напрасно ты отвергаешь. И пиво тут у вас в Агабане отменное. Молчишь?.. Да ладно тебе, Ванюшка! Каникулы начались. Поедем. Надо семье помогать. Поплывём в верховья Енисея. Лес валить. Заработки лесспромхоз обещает хорошие.

— Поедем, — глухо отозвался Иван.

По дорожке Биг-О прошли ещё два мальчугана Британии — Белиз и Бермуды. Белиз, некогда называвшийся Британским Гондурасом, никогда не завоевывал медалей, а вот Бермуды отличились как раз в Монреале. Боксёр Кларенс Хилл отлично бился на ринге, и никто не смог вмазать ему в бермудский треугольник лица, хотя досталась только бронза. Но всё же!

Флаг Белиза синий, в нём белый круг с изображением герба, а на гербе — красное дерево с ценнейшей древесиной и два дровосека, потому что первыми европейцами Белиза стали торговцы красным деревом.

Флаг Бермуд — единственный в мире, на котором изображено кораблекрушение. Лев держит щит, на щите — гибель фрегата “Морская удача”, все пассажиры которого уцелели и стали первыми жителями Бермудских островов. Но разглядеть этот захватывающий сюжет на флаге невозможно, ибо он слишком мелко прорисован. Даже в оптический прицел не увидишь.

Исаков продолжал разглядывать в бинокль трибуны стадиона в надежде увидеть нечто, что натолкнёт канадские спецслужбы принять необходимые меры. Его, матёрого кагебешника, вдруг охватила азартная уверенность, что удача улыбнётся ему. Сконцентрировав всю свою энергию в одной точке, он выхватит из этого стадионного моря ту единственную золотую, но поганую рыбку, которая может стать причиной многих несчастий.

Чашкин с листком бумаги шёл по Норке, ища нужную улицу и нужный дом. Наконец, нашёл: Чапаева, 8. Конечно Чапаева, кого же ещё! Обида на Ивана всё ещё нестерпимо жгла его. Что тут смешного, если тебя зовут Василий Иванович? Конечно, спора нет, анекдотов про Чапаева ходит немыслимое количество, и многие из них, возможно, смешные, но Чашкину они смешными никогда не казались. “Какая пошлость!” — говорил он сам себе, услышав очередное творение народного юмора. Сказать это вслух — заржут, гады, ещё больше: “Ну конечно, ты же у нас тоже Василий Иванович!”

Екатерина Петровна угостила его обедом — щи, картошка-пюре, тушеная курица. К первой кружке чаю ещё и бутерброды с колбасой, ко второй — конфеты, пирожки с яблоками, варенье. Пришли близнецы лет семи, Саша и Шура, сели рядом, Шура взялась рисовать на тетрадном листочке.

— Это мои поскрёбышки, — сказала Екатерина Петровна. — Близняшки. Саша и Шура. Иван называет их Сашурики.

Она присмотрелась к рисунку Шуры:

— Это что же у тебя такое?

— Церковь, — сказала Шура.

— Церковь? Какая же это церковь?

— Которой у нас нет. А ты говоришь, что зря нет.

— Коли церковь, так наверху крест нужно дорисовать.

Екатерина Петровна взяла рисунок и дорисовала крест. Повернулась к Чашкину:

— Так что вот. Далеко они уехали. Деньги на жизнь зарабатывать. А куда, точно не знаю.

— Понятно...

До чего же хорош Енисей! Жить бы на нём да жить, рыбу ловить, зверя бить, шкуру сдавать. Отцу в кузнице помогать. Что ещё надо для жизни? Вот тебе ещё один хариус, гребень красный из спины торчит! Иван вытащил его, поцеловал в сердитую, но беззащитную морду. Посмотрел вдаль и увидел плывущую моторную лодку.

А в лодке плыл Чашкин, всматривался в берега, увидел Ивана, который одной рукой держал хариуса, а другую в виде козырька приставил к бровям, всматриваясь в Чашкина.

— Вот он, собака! — сказал Чашкин.

— Ах ты ж, собака! — сказал Иван, узнав в лодке Чашкина.

Вечером они сидели у костра. Шарыгины — отец Николай Сергеевич, братья Владимир, Иван и Григорий. Да Чашкин. В костре приятно пощелкивало, в огромном котелке варилась уха из хайрюзов. Аромат её плыл по всему берегу. А к ухе Чашкин привёз бутылочку.

— На троих разопьём, — улыбался отец. — Иван не приемлет, Гриша молод ещё, а нам с вами да Володе можно расслабиться.

Чашкин принял быстрое решение вести наступление не на Ивана, а на отца.

— Далеко же вы забрались. Это же, почитай, сто семьдесят километров от Норки!

— Как ещё вы умудрились найти нас?

— Мне директор леспромхоза подсказал, где вас искать. А лодку какой-то парень дал. Я ему деньги предлагал — ни в какую.

— Наши енисейские такие.

— Я уж и отчаялся. Пора бы увидеть лесозаготовителей, а их нет и нет. Собирался уж назад поворачивать. Вдруг, гляжу, Иван! Тайменя в руке держит.

Иван сердито поспешил поправить ненавистного тренера:

— Это не таймень, это хариус... Вы это... Василий Иванович... Простите меня, что я тогда так зло с вами. Послал куда подальше. Даже и не простился.

— А чего это ты людей посылаешь куда подальше? Ишь ты! — пнул Ивана отец. А Чашкин рассмеялся:

— Я, говорит, вам, Василий Иванович, не Петька!

— Вот шельмец! — воскликнул Николай Сергеевич и бросился пробовать уху. — Готова, кажись.

— Погорячился я.

— Да мне начхать! — усмехнулся Чашкин. — Лишь бы ты вернулся. А, Вань?

— Не знаю даже... Что отец скажет.

— Николай Сергеевич!

Отец выдержал огромнейшую паузу, в которую вместились разливание ухи по мискам, торжественное открытие привезённого Чашкиным подарка, разлитие по алюминиевым кружкам, чоканье, выпивание, задумчивое впитывание организмом напитка и заедание его ухом. Наконец, когда, казалось, что Николай Сергеевич никогда уже не даст ответа, отец строго произнёс:

— Конечно, баловство это. Какой из него спортсмен? Вот лес валить он умеет. Но если такое дело... Ну-ка, ребята, дайте-ка мне с Василием Ивановичем пару минут с глазу на глаз поговорить. Слышите или нет?!

Три брата нехотя встали из-за костра. Особенно Володя, понимающий, что очередную порцию выпьют без него. Но отца послушаться у Шарыгиных считалось низшей степенью падения. Когда братья отошли на некоторое расстояние, отец, так и есть, налил себе и Чашкину.

— Вот что скажу. Я бы не отпустил его, если бы не один случай...

— Какой?

— погоди. Такие штуки с прыжка не рассказываются.

— Простите.

— Очень уж ты вежливый, Вася. С такими, как мой Ванька, построже надобно. Так вот... Когда Ванюша родился, я как раз устроился кузнецом в геологической партии. Все мои парни мне помогали в кузне, но в основном нехотя. А Ванюша... Тот любил кузню. Всё рядом со мной околачивался, помогал. Даром, что в кузне жарница, как в пекле. Так вот. Однажды к нам в кузню зашёл...

И он рассказал случай со странником и его предсказаниями.

Отец и Чашкин сидели у костра. Братья издали поглядывали на них, о чём-то говорили, громко смеялись.

— Ишь ты, ржут, как кони. Мы тогда вскорости и забыли про того странника. Однако в том же году одно из его предсказаний сбылось. Про Женю. Чтобы он не лихачил на катере. А он как раз на катере мотористом работал...

Отец поведал о гибели Евгения.

— Двух пассажиров о камни насмерть побило, один спасся, а Женя наш погиб, захлебнулся. Застрял правой ногой, про которую странник предсказывал. Усекаешь? — Отец тяжело вздохнул и долго молчал, думая о Женьке. Наконец, словно очнулся: — Так вот, про Ваньку тот старец сказал, что он большим человеком станет. Вот я и думаю... Будет он дерева валить, едва ли такое случится. Верно?

— Верно.

— И в кузне. Про футбол я тоже не думаю. А вот то, что ты говоришь, ближе. Если такое дело — пусть тренируется. Авось не подведёт нашу семью... Эй, Шарыгины! Можете возвращаться к костру.

Братьев не пришлось звать второй раз.

— Ну, что тут ваш совет в Филях? — спросил Гриша.

— Николай Сергеевич согласен. Иван, я тебя забираю!

— Я вам что, вещь, что ли? Чемодан? — пробурчал Иван, но отец строго молвил:

— Да ладно тебе! Человек за столько вёрст...

И на другой день моторная лодка неслась по Енисею в обратную сторону. Чашкин и Иван сидели в ней, оба хмурые. Неожиданно Иван встал во весь рост, потянулся до хруста во всех косточках, улыбнулся своей заразительной, почти детской улыбкой и подмигнул Чашкину:

— Василий Иванович! Чего пригорюнился? Да повалою я всех, не бойся!

Страна, некогда называвшаяся Верхнее Перу, получив независимость от Испании, переименовала себя в честь Симона Боливара и стала Боливией. Известна эта страна тем, что неудачно воевала с соседями — Бразилией, Чили, Парагваем и всё теряла и теряла свои территории, а ещё тем, что на её территории был убит Че Геварра. И в Олимпийских играх Боливия всегда в основном терпела поражения.

— Светофор! — фыкнул Даниличев, остроумно подметив сочетание цветов боливийского флага: сверху — красный, посередине — жёлтый, снизу — зелёный.

Зато следом за бесцветной сборной с цветастым флагом шла многочисленная команда Бразилии под зелёным знаменем с жёлтым ромбом, в центре которого синий круг звёздного неба, опоясанный ленточкой с надписью: "Порядок и прогресс". Впрочем, многочисленность ей не помогла — всего лишь две бронзовые медали. Даже бразильские короли футбола не принесли своей стране золота, а в матче за бронзовые награды Бразилия под проливным дождём проиграла сборной СССР со счётом два — ноль.

Любовь к футболу не спешила уходить. Иван тренировался в зале под руководством Чашкина, а в голове мелькало, как он стоит в воротах и готовится отразить мяч. Он бежал по осеннему Агабану, совершал упражнения в парке, а всё ещё мечтал, что к нему подойдёт кто-то и скажет: "Это вы

стоите в воротах за “Автомобилист”? Я видел, вы гениальный вратарь. Хочу пригласить вас в Москву”. Он боролся со спарринг-партнёром, а в голове мелькало: “На хрена мне это?”

К тому же, он по-прежнему играл за команду автошколы и надёжно защищал её ворота.

Но постепенно борьба затягивала его в свою воронку. Подрабатывая на мясокомбинате, Шарыгин, разгружая тележку со свиными или говяжьими тушами, перебрасывал эти туши через себя, как бы борясь с ними. А получая в кассе мясокомбината деньги, воображал, что это плата за победу на каком-нибудь чемпионате, только уже не в футбольном, а борцовском. И в общезнании рядом с фотографиями Яшина и Гагарина теперь красовались Иваницкий и Медведь.

В январе того года, когда ожидался чемпионат мира по футболу в Англии, Чашкин повёз Шарыгина на турнир “Арена сильных” в Красношарск. И здесь Иван впервые почувствовал, что он — может! Страшно волновался перед первой схваткой и быстро уложил соперника на лопатки, хватило одной минуты.

Лучшим тренером в Красношарске считался Папиашвили, ему в тот год было немного за тридцать, ещё без животика. Чашкин входил в число тех друзей Георгия Михайловича, коим разрешалось дружески звать его Папа. Видя, что Папиашвили заинтересовался привезённым из Агабана новичком, Чашкин не пожалел собою шубу со своего плеча:

— Я думаю, парень должен тренироваться у тебя.

— А тебе не жалко?

— Бери! В Агабана у него и спарринга достойного нет. Папа, у тебя тут настоящая школа. А кроме того, Иван сам по себе славный парень!

— А что, возьму, кожь не жалко.

— Как говорят на базаре: как бы ел, да деньги нужны.

До пьедестала почёта Шарыгин не дошёл, но запомнился, и после турнира Чашкин подвёл его к Папе:

— Вот, Иван, познакомься, это Папиашвили. Тот самый.

— Очень рад, Георгий Михайлович. Много знаю о вас.

Он пожал протянутую руку этого коренастого грузина со смешной хитрованской физиономией. Папа хлопнул его по плечу:

— Рядовой, необученный... Ну что, хочешь у меня заниматься?

Иван не ожидал такого поворота.

— Очень хочу.

И тотчас с досадой глянул на Чашкина — обидится Василий Иванович! Но Чашкин только крикнул и пробурчал:

— Ладно уж...

— В армию скоро? — спросил Папиашвили.

— Осенью.

— Понятно. Как только призовут, сделаю так, чтобы тебя сюда взяли служить. А пока пусть тебя Чашкин ещё малость подтянет, слабоват ты ещё, ёлки-пальки.

— И скажите ему, чтобы футбол свой дурацкий бросил, — попросил Чашкин.

— Футбол? Зачем бросил? Пусть и в футбол играет. Лишний раз реакцию развивает.

И Шарыгин продолжал одновременно стоять в воротах “Автомобилиста” и тренироваться в вольной борьбе. Напрягал себя во все стороны: каждый день зимой бегал по лесу на лыжах, два раза в неделю парился до чёртиков в бане, выбегая, нырял в сугроб, растирался снегом. Наступила весна — часами бегал по парку. И на мясокомбинате продолжал класть на лопатки мясные туши. Пришло лето — переплывал реку Агабан из конца в конец по несколько раз. И постоянно совершенствовался в спарринге. Мечта о том, что кто-то подойдёт, назовёт его новым Львом Яшиным, позовёт в большой футбол, всё реже и реже являлась.

За Бразилией на дорожку вышла команда Болгарии, которую в шутку называли неофициальной шестнадцатой республикой СССР. Курица —

не птица, Болгария — не заграница. Впрочем, самих болгар это всегда раздражало.

Начиная с Мельбурна, болгарские спортсмены с каждой Олимпиады привозили золото, а в Монреале превзошли самих себя, завоевав целых шесть золотых, девять серебряных и семь бронзовых наград. В общем зачёте Олимпиады они заняли седьмое место. Вот тебе и курица — не птица! И болгары могли с заслуженной гордостью взирать на свой бело-зелёно-красный стяг, который нес чем-то похожий на Ивана Шарыгина борец греко-римского стиля Александр Томов.

— Ну всё, — тяжело и в то же время с облегчением, вздохнул Павлушин. — Поздно снимать весь социлагерь. Болгары уже пошли. Теперь осталось только надеяться...

Летом 1966 года советская футбольная сборная отправилась на чемпионат мира в Англию. Тогда наши футболисты не гребли деньгу лопатой, но при этом не говорили: “Наша цель — выйти из группы”, — их целью было чемпионство, и никто не смеялся над такими амбициями, понимали, что по уровню сборная СССР вполне может добиться и золотых медалей. Наши игроки, такие как Яшин, Малофеев, Банишевский, Численко, Поркуян, расценивались на равных с мировыми знаменитостями — бразильцами Гарринчей и Пеле, португальцем Эйсебио, венгром Фаркашом, итальянцем Маццолой, англичанами Чарльтоном и Херстом, немцами Беккенбауэром и Зеелером. И в групповом турнире наши обыграли и корейцев, и чилийцев, и итальянцев, в четвертьфинале сломали сильных в те времена венгров, дошли до полуфинала.

Полуфинальный матч против сборной ФРГ Иван смотрел в гостях у Чашкина. Эта игра могла стать триумфом Льва Яшина — он брал один безнадёжный мяч за другим, раз за разом спасая команду.

— Лев Иваныч! Ну, нет слов!.. — кричал Шарыгин.

— Бей немца! Как под Сталинградом! — кричал Чашкин.

— Только теперь в Ливерпуле!

После матча они шли хмуро по улицам Агабана. Особенно расстраивался Иван:

— Ну, надо же так проиграть! Ведь были сильнее немцев.

Чашкин не преминул использовать ситуацию в своих коварных целях:

— Вот тебе и Яшин.

— Это ты зря... — обиделся Иван. — Лев Иваныч ни при чём! Численко — шляпа! Мяч потерял, прямо под ноги немцам, и Халлер — хренакс! Нет, Яшин был бессилён. И второй гол не по его вине.

— А я к тому и веду разговор. Какой бы ни был гениальный Яшин, а ошибки защитников и не до конца слаженная игра нападающих сводят его игру на нет. Зато в вольной борьбе всё зависит только от тебя. Если ты сильнее, выносливее, умнее, то ты и чемпион.

Шарыгин остановился, улыбнулся:

— Василий Иваныч! Ты что, своего Петьку опять против футбола агитируешь? Да борцом я буду, не бэ! Бор-цом. Всё уже определилось.

— Точно?

— Да точно!

— Просто ты так влюблённо на Яшина смотрел...

— Что я, девушка, что ли?

Они вышли к реке.

— Кстати, о девушках, — сказал Чашкин. — Есть?

— Пока нет, — покраснел Шарыгин.

— И не было?

— А что тут такого! Просто так, шалей-валяй, я не хочу. А любви не встретил пока.

И вот Большое-О раскалывает ядерный взрыв любви! На почётную дорожку выходит олимпийская сборная Канады. Трибуны в бешенстве, режут от восторга, улюлюкают, трещат трещотками, бьют в барабаны, дуют в трубы,

кругом что-то квакает, пищит, стрекочет, грохочет. А кто-то и свистит с неодобрением — ни одной золотой медали! Такого ещё ни разу не бывало на Олимпийских играх, чтобы страна-хозяйка не завоевала ни одного золота.

Огромное полотнище из двух красных полос и одной белой с красным кленовым листом посередине в руках у мужеподобной легкоатлетки Эбигейл Хоффман. “Гусарская баллада!” Тридцатилетняя еврейка из Торонто, в молодости она так хотела стать хоккеистом, что коротко стриглась и выдавала себя за юношу Эба Хоффмана. Её взяли в мужскую хоккейную команду, но когда обман раскрылся, строго запретили на пушечный выстрел приближаться к мужским видам спорта. Пришлось вернуться в женские. Стать легкоатлеткой. Кем родился, тем и пригодился. Как бегунья Эбби проявила себя лучше, чем хоккеист Эб. Но в Монреале, среди родных канадских стен, смогла добыть только серебро.

Рев трибун слышался повсюду.

— Чой-то? — наострил уши Шустиков.

— Ясное дело, Канада ихняя пошла, — сказал Сосланов.

— А когда мы пойдём, зашипят, как змеи, — проворчал Николаев.

— Ну, не все же, — вздохнул Шарыгин. — У них тоже есть нормальные люди.

Снова подошёл Папиашвили. Уныло посмотрел на Ивана:

— Иван!

— Даже не заикайтесь, Георгий Михайлович! — зная, о чём он спросит, предупредил Шарыгин.

Папа тяжело вздохнул, рассердился ещё больше:

— Эх, зря я тебя тогда похитил, ёлки-пальки!

На сборном военном пункте в Красношарске Папиашвили возмущённо хватал воздух, вне себя от ярости.

— Как же так! У меня была договоренность с майором Фильчиковым, что Шарыгин останется в Красношарске. Получается, майор обманул меня, что ли?

Грустный старлей с красной сыпью во все лицо отбрыкивался:

— Нашли кому верить! Жучила ваш Фильчиков!

— Да вы понимаете, что мы профукаем будущего олимпийского чемпиона! Кто там на Дальнем Востоке, в обычной части будет его тренировать? А ведь это лучшие для спорта юные годы, ёлки-пальки!

— Я-то здесь при чём? Вот что, товарищ тренер, дуи на вокзал. Эшелон на Дальний Восток там ещё недавно стоял. Может, ещё не отправили...

И вот уже Папиашвили бежал по перрону вокзала, всматриваясь в окна пассажирского поезда, возле которого туда-сюда сновали офицеры. В вагонах новобранцы, высовывались из окон и дверей, смеялись, хмурились, шутили, ругались. Наконец, Папа увидел Ивана, стоящего на подножке одного из вагонов.

— Ну, что ты тут стоишь, Ваня!

— А где мне ещё быть?

— Пошли за мной!

— Так ведь...

— Под мою ответственность. Считаю, что я тебя похищаю.

Дома у Папиашвили их встречала красивая черноволосая женщина, овеянная дивными запахами пельменей.

— А это — моя жена, царица Тамара. Действующий чемпион мира по пельменям! Тamarочка, Иван малость у нас перекантуется. Я его только что из армии выкрал.

Папиашвили подтолкнул Ивана проходить дальше в дом:

— Мой руки и марш на кухню.

— Как это выкрал?! — испугалась Тамара, но не по-настоящему, в шутку, зная, каков её муж — тот ещё шутник.

— Ни о чём не спрашивай, а навали-ка нашему богатырю пельменей. Вот столько! Слушай, Ваня, это не пельмени, это инопланетяне какие-то, сейчас отведаешь.

В тот же день в кабинете областного военкома Папа с виноватым и покорным видом выслушивал мат со стороны генерала Квашинова, который ходил строевым красивым шагом перед большой военной картой Восточной Сибири, и из него сыпались молнии, способные поджечь эту карту:

— Да я твоему Шарыгину лично голову откушу. И тебе тоже. Едр-р-рё-на дивизия! Ведь это идеальное подсудное дело. Тебя немедленно нужно за шиворот и к прокурору. Что я сейчас и прикажу сделать, ёж твою мать! Похищение новобранца наказывается принудительными работами на срок до пяти лет. Я бы за такое под расстрел! Так что не жди от меня никакой пощады, понятно?

— Понятно, товарищ генерал.

Генерал сел за свой стол и стал что-то писать на листке бумаги. Скорее всего, приказ о смертной казни через откусывание голов двух дезертиров — Ивана Шарыгина и Георгия Папиашвили. Скользь бросил:

— Где он теперь?

— Дома у меня.

Генерал кончил писать, сверкнул молнией, снова испепелившей с ног до головы несчастного грузина.

— Вот здесь приказ о немедленном аресте и тебя, и твоего Ивана. Понял?

— Понял.

— Ну, а если понял, то это письмо от меня генералу Майорову, начальнику Красношарского радиотехнического училища. Пусть забирает твоего Шарыгина к себе под особый режим, чтобы мог тренироваться.

— Спасибо, товарищ генерал!

— Но если этот Иван не станет олимпийским чемпионом, я лично откушу ему голову. И тебе тоже. Всё, иди!

— Спасибо, товарищ генерал!

— Да мне за это не спасибо, меня за это под трибунал надо!

— Спасибо, товарищ генерал!

И вот уже недавний дезертир Иван Шарыгин в форме рядового сидит в наушниках перед радиотехническими приборами. Вечером тренируется в спортзале, теперь уже под руководством самого Папиашвили.

Кольшется красное знамя. Знамя твоих побед, Родина. Флаг Отчизны родной. Длинный армейский строй, перед лицом своих товарищей Иван принимает присягу. В левой руке у него автомат, который он придерживает за ствол, а сам автомат стоит прикладом около его ноги. В правой руке у Ивана текст присяги — "...быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным... и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Советскому правительству... выступить на защиту моей Родины... защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы..."

Иван стреляет на учениях из автомата Калашникова. Он лежит на расстеленной плащ-палатке, жмёт на спусковой крючок автомата. Пули ложатся в мишень, густо пробивая её.

Иван борется на соревнованиях, в его движениях уже куда больше осмысленности и ловкости. Он кладёт соперника на лопатки и в большом спортивном зале вскакивает небрежным прыжочком на верхнюю ступень пьедестала.

— Победителем Всесоюзного первенства Вооружённых сил СССР становится сержант Иван Шарыгин!

На гербе Чили написано: "Не разумом, так силой!" Чили такая длинная и узкая страна, что она сама похожа на древко, на котором остальная Южная Америка развевается, как знамя. В промежутке между Мюнхеном и Мюнхеном в Чили произошёл переворот, президента Альенде убили, к власти пришёл американский ставленник диктатор Пиночет, к которому в Советском Союзе относились с ненавистью. И, глядя на чилийское знамя, Даниличев сказал Исакову:

— Такое же, как американское, только вместо множества красных и белых полос одна белая и одна красная, а в синем квадрате вместо множества белых звезд — одна. Как будто Чили — один из штатов США.

— В сущности, оно так и есть, — отозвался Исаков, снова поднося к глазам бинокль.

— Пиночет, Пиночет... А ни одной медали, ни золотой, ни серебряной, ни бронзовой. Небось, вернутся, он им бошки-то поснимает!

— Как бы нам с тобой, Игорёк, бошки-то не поснимали... — хмуро отозвался Исаков.

По утрам к киоскам “Союзпечати” всегда выстраивалась длинная очередь. Идя на работу, советский гражданин считал одним из удовольствий потратить несколько копеек на покупку газет. Шагая на красношарский шинный завод, куда он пришёл работать после армии, Иван тоже встроился в очередь к газетному киоску. Возле самого окошка кто-то нагло пихнул его в бок:

— Товарищ, вас тут не стояло!

Папиашвили. Влез впереди Ивана, купил три газеты и пачку почтовых конвертов — в Грузию письма писать. Иван — “Советский спорт” и “Известия”. Отошли, раскрыли газеты. Первым делом — фотография Александра Медведа. Олимпийская золотая медаль на Олимпиаде в Мехико по вольной борьбе в тяжёлом весе.

— Эй, Ваня! Через четыре года здесь будут твои фотографии! Не веришь?

Иван поднял бровь, иронично посмотрел на своего тренера:

— Не верю, а знаю.

— Ну, ты нахал!

— А чо?..

— Да тебе ещё пахать и пахать! Готовься, я буду учить тебя чидаобе. Национальной грузинской борьбе.

Шарыгин усмехнулся:

— Она чо, в Мюнхене будет? Введут в список олимпийских дисциплин?

— Чо да чо!.. Зря смеёшься. Не введут. Но ты должен её освоить. В чидаобе много такого, что пригодится в обычной вольной борьбе. Особенно работа ногами.

И снова занятия в спортзале. Иван борется с воспитанником и земляком Папы Нодаром Георгадзе... Но теперь Папа тренирует Ивана. После тренировки в раздевалке все измотанные, на Иване лица нет, пот градом. Нодар с усмешкой:

— Георгий Михайлович, я вашего олимпийского чемпиона сегодня два раза на лопатки положил.

Улыбка Папиашвили полна снисходительности:

— Смейтесь, смейтесь... Мне не верите? Папе не верите? Иван будет чемпионом страны. А потом — олимпийским чемпионом. В Мюнхене будет! Если нет — можете мне лично голову откусить!

На красношарском шинном заводе Иван работал слесарем в цехе подготовки. Другие работяги с восхищением взирали на то, как он поднимает крупногабаритную шину для карьерного самосвала.

— Он что, штангист?

— Да нет, сказано же тебе — борец, к чемпионату России готовится.

— А чего же на заводе работает?

— Так у нас все спортсмены обязаны где-то вкалывать.

В цех вбежала Галка Ромашина с газетой в руках:

— Ребята, про нашего Ивана и про наш завод!

Мигом вокруг неё образовался кружок пламенных революционеров, которым лишь повод дай, чтоб не работать. Ромашина задорно зачитала:

— “Отслужив в армии, он стал работать слесарем на Красношарском шинном заводе, в отделе подготовки. Продолжает усиленно готовиться к предстоящему чемпионату России, а затем — и к чемпионату всего СССР.

Иван Шарыгин — надежда сибиряков. Благодаря ему спортом заинтересуются тысячи парней из таёжных деревень”.

Оказавшийся тут же начальник цеха повернулся к герою прессы:

— Эй, надежда Сибири! Ты норму сегодня выполнил?

— Да перевыполнил уже, — буркнул Иван.

— Смотри, а то на чемпионат не отпустим.

— Это вы зря...

Он и сам не заметил, как это случилось. Боролся, побеждал, снова боролся и снова клал на лопатки. И вот:

— Внимание! Чемпионом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1970 года в полутяжёлом весе становится борец из Красношарска Иван Шарыгин.

— Я, что ли?..

Иван поднимается на верхнюю ступень пьедестала. Ему надевают на шею медаль, вручают цветы. Он сияет. Смотрит вокруг и не верит, что все кругом хлопают ему, его могучему телу, его крепкому лбу, за которым бьётся стремительная мысль. Она главная в любой борьбе — в сотую долю секунды уловить мгновенную слабость соперника и воспользоваться ею...

Папа стоит и сдержанно хлопает, мол, это только начало, главное впереди, не загордись, Ванюша.

Страна, названная в честь открывателя Америки и известная своими наркостартелями, а также основателем мистического реализма писателем Маркесом, в Монреале тоже оказалась лишь участницей — ни одной медали. И, по понятиям Шустикова, несла свой жёлто-красно-синий стяг совершенно напрасно.

— Ну, почему так-то! — тыкая пальцем в телевизор, возмущался самый младший из братьев Шарыгиных. — Почему Болгария, потом Канада, потом вообще Чили, а теперь Колумбия?

— Сашурик, тебе же русским языком объяснили, — сердилась старшая сестра Тоня. — Шествие команд идёт в соответствии с французским алфавитом и тем, как названия стран пишутся по-французски.

— Так что, Канада не через кэ у них пишется? Чили не через че?

— Нет. И Канада, и Чили через букву сэ, как наша эс. А она у них в алфавите третья.

— Дурдом придумали! Ей-богу! Если через сэ, значит наша Сэсээр тоже должна теперь идти?

— Ты же в школе английский учил?

— Английский. Можно сказать.

— Можно сказать... Так даже в английском СССР будет USSR, на английскую букву U, а она в конце алфавита. И по-французски тоже.

— Все равно мне это не нравится! — возмущался Сашурик.

Семья собралась в этот ранний утренний час первого августа в родительском доме — мать Екатерина Петровна, отец Николай Сергеевич, старший брат Виктор с женой Любой и двумя сыновьями Колей и Ваней, Григорий с женой Ритой, да оба Сашурика — Саша и Шура. Им, близнецам, в этом году исполнялось по восемнадцать лет. Не хватало Ивана, появления которого на экране телевизора все с нетерпением ожидали, сестёр Нины и Тани, уехавших учиться в другие города, да двух братьев, Жени и Володи, которых уже не было в живых. Женья давно уже на моторной лодке разбился и утонул, не смог из воды выбраться, а Володя...

Это в прошлом году случилось. Он работал на тракторе, ехал вдоль берега Енисея под проливным дождем, старался не приближаться к обрыву, но в одном месте оказалась яма, и он поехал по ее кромке и по самому краю обрыва.

— Проскочу!

Не проскочил... Как назло, именно в том месте берег стал оползать, трактор медленно и страшно начал валиться на бок.

— Да что за дурь такая!

Володя хотел выпрыгнуть из кабины, но у него странным образом застряла нога между педалями, никогда такого не бывало!

— Да что такое-то!

И не успел. Трактор рухнул с обрыва, упал вверх гусеницами в холодную енисейскую воду.

Сейчас, ожидая, когда ему дадут знамя, чтобы нести его высоко вперёд себя, Иван думал о том, как там, в Норке, небось, хоть и ранний час, а уставились в телевизор. Все, кроме Жени и Володи. А они где? неужели не видят его? Не может такого быть!

Флаг Южной Кореи называется Тхэгькки — белое полотнище, посреди которого круг, а в нём сплелись противоположные стихии мироздания: синее инь и красное ян. Вокруг инь и ян — четыре триграммы, означающие юг, запад, север и восток, а также лето, осень, зиму и весну, и ещё многое другое, потому что восточная философия очень многозначительна. В Монреале южные корейцы завоевали своё первое олимпийское золото и могли с гордостью нести инь-янное Тхэгькки.

Своё первое всесоюзное золото Иван Шарыгин завоевал в Махачкале. Папы не было рядом. Папу отправили в командировку в Болгарию. И Иван в финале оказался один на один с самым сильным своим соперником — Василием Гулеенко.

Махачкала жадно, по-звериному пожирала глазами схватку. На Кавказе борьба — главный вид спорта. Из-под множества кепок-“аэродромов” азартные глаза южан сверлили двух русских борцов-финалистов, их взоры, как комары и оводы впивались в мускулы, мешали и одновременно подзуживали.

Гулеенко на шесть лет старше Ивана, ему уже исполнилось двадцать восемь, а Шарыгину ещё только должно было стукнуть двадцать два. Оба участвовали в полутяжёлом весе, то есть до ста килограммов. Иван — за красношарский “Буревестник”, Василий — за киевский “Спартак”. Шарыгин — новое имя, Гулеенко — маститый борец, на двух своих первых чемпионатах СССР занял вторые места, а на прошлом и позапрошлом стал безусловным чемпионом. И, разумеется, не хотел терять добытого чемпионства.

Подлая мысль — проиграть, так хоть дважды чемпиону СССР. И трудно её отогнать от себя. Как трудно найти хоть какую-то слабину в действиях этого матерого зверюги. Он сделал рывок в ноги соперника, но Гулеенко поймал его, зацепил своей левой ногой его правую, бросил Ивана на спину. Иван едва успел перевернуться в воздухе и встать на “мост”. Махачкала заревела, “аэродромы” зашевелились.

— Дави!!!

Гулеенко навалился всем телом, дожимая Ивана. Где вы, лопатки, далеко вам ещё до ковра? Не прикасайтесь к нему! Судья низко нагнулся, следя за схваткой. Ещё немного, и Гулеенко дожмёт, но чудеса случаются: он перехватил руки, и этого хватило Ивану, чтобы молниеносно перекатиться на живот.

Первый период иссяк. Иван угрюмо сидел в кресле. Второй тренер с легендарной фамилией Ушаков тоже не ликовал, но пытался утешить:

— Ничего, Ваня. Это же твой первый чемпионат Союза. Серебро тоже неплохо.

Но Шарыгины гордые, им этого мало:

— Хорошо, что Георгий Михайлович в Болгарии, не видит моего позора...

Судья дал свисток. Второй период. Вновь Гулеенко пошёл в гору набирать баллы, поймал Ивана на контририёме и перевёл в партер. Но Иван векочил, Василий в азарте вошёл в захват, потоптался и резко откинулся назад. По огромной дуге сибиряк и киевлянин полетели на ковер. В воздухе Шарыгин успел скрутить тело соперника, поставил Гулеенко на “мост”. Гулеенко не ожидал такой наглости, растерялся, и через двадцать секунд Иван положил его, изумлённого, на лопатки.

Самому не верилось! Иван вскочил, словно ужаленный, запрыгал, как когда-то в детстве скакал по широкой родительской кровати, и закричал:

— Сделано в Сибири!

Голова сама собой тряслась, боядя воздух, как бодается свежевypущенный на арену корриды бычара. Но есть и законы — наклонился к поверженному сопернику, помог ему встать с ковра. Тот мычал, мотая головой, не желая осознавать происшедшее.

— Василий! Прости, но я победил! Вот моя рука!

Махачкала схватила Ивана, подняла над собой, понесла в центр футбольного поля. Под “аэродромами” глотки кричали единым хором:

— Муж-чи-на-а-а-а!

Иван плыл по этой кричащей Махачкале, как лодка по каменистым уступам, его трясло, и хотелось кричать хоть что-нибудь. И он кричал одновременно и своему отцу, и своему тренеру:

— Папа-а-а-а! Я чемпио-о-о-он!!!

Георгий Михайлович сидел в болгарской гостинице в окружении группы тренеров, крутил колесико своей старенькой “Спидолы”, пока не воткнулся в спортивные вести.

— Махачкала, — прокуренным хриплым голосом сказала “Спидола”. — На завершившемся там первенстве Советского Союза по вольной борьбе чемпионом стал молодой спортсмен из Красношарска Иван Шарыгин, спортивный клуб “Буревестник”.

Папу катапультировало: он, сам не зная, как, взлетел из своего кресла в воздух и заревел страшнее всей Махачкалы, вместе взятой:

— Ива-а-а-а-а-ан!!!

А Иван в это время уже ехал в поезде, один во всём купе. Почему-то к нему никто не подсел. Он тоже слушал радиоприёмник:

— ...чемпионом стал молодой спортсмен из Красношарска Иван Шарыгин, спортивный клуб “Буревестник”.

Он словно и сам впервые узнал об этом, в волнении встал по стойке “смирно”. Высунулся из купе, оглядел пустой проход. Отправился в туалет и там принялся бешено умываться, словно стараясь смыть что-то с лица. Бросил пригоршню воды на шею. Ещё и ещё. Наконец, вышел, застыл в проходе, глядя в окно и счастливо вздыхая. Чемпион СССР, мама родная!

Синяя-белая-красная-белая-синяя — флаг Коста-Рики. Страны, не имеющей армии, а также никаких медалей ни в Монреале, ни до него. Равно как и Кот д’Ивуар, идущий за нею следом под своим флагом, оранжево-бело-зелёным, подобно ирландскому. Коста-Рика значит Богатый Берег, Кот д’Ивуар — Берег Слоновой Кости, которая тоже приносит богатство. Но только не олимпийское.

— Господи, сколько стран в этом мире! — вздохнул генерал-лейтенант Комитета государственной безопасности Исаков и снова поднёс к глазам бинокль. От этих капиталистов только и жди шила в бок!

Вскоре новоиспечённый чемпион и его тренер обнялись и поехали вместе в Берлин. Иван впервые попал за границу. Хоть и не капиталистическую, но всё же, совсем не та жизнь, что у нас. Папа подбадривал свой округляющийся животик пивком, толкал Ивана, который довольствовался соками:

— Ну, коли чемпион, то теперь и жениться можно. Когда с невестой познакомишь, бичо?

— Как только, так сразу, Георгий Михайлович.

— Так-таки и нету до сих пор девушки, ёлки-пальки?

— Нету. — Шарыгин краснел, но с гордостью. — Полоблю — появится, а так просто шаландаться не хочу.

— До чего же ты правильный советский человек, Иван! Аж тошно становится. Но, с другой стороны, правильным быть... правильно!

И, благоухая высококачественным немецким пильзнером, Папа весело хохотал, щекоча смущённого воспитанника.

В столице Германской Демократической Республики то и дело моросил дождь. Хотелось побывать в Рейхстаге, да шиш — он на территории Западного Берлина. Лишь издали поглядеть можно.

— Говорят, они, сволочи, надписи все замазали, — сказал Папа.

— “Всё чисто, всё побелено, тихонечко, без паники, // но надписи победные не вычеркнешь из памяти”, — продекламировал Шарыгин.

— Это чо такое?

— Стихи. Недавно в “Крокодиле” прочитал. Сергея Михалкова.

— Ну, и память у тебя! Один раз прочтёшь, и уже помнишь.

— Есть такое дело.

— И телефоны все наизусть помнишь?

— Вы же уже проверяли.

— Проверял. Феноменально. А что ещё можешь?

— Слова наоборот.

— А ну-ка! Бранденбургские ворота.

— Аторов еикс-груб-нед-нарб, — быстро перелопатил Шарыгин.

— Лихо. А цифры? Погоди, я запишу сначала. — Папашвили достал блокнот, авторучку, написал ряд цифр. Продиктовал Ивану. Тот быстро повторил в обратном порядке.

— Откуда ты такой взялся вундеркунд?

— Вундеркинд, вообще-то. Сделано в Сибири.

Они остановились перед афишей, на которой красовались борцы на ковре и надпись:

“Berlin 1970

Europameisterschaften

im griechisch-römischen und Freistilringen”.

— Это про нас, — сказал Папа.

Иван усмехнулся:

— Как эти немцы такие длинные слова читают?

— Зато слово “Иван” будет написано коротко и ясно. Чемпион России, чемпион СССР... Пора стать чемпионом Европы, Ваня.

Обратно из Берлина оба летели мрачнее туч, что над свинцовым берлинским асфальтом. И вроде бы радоваться надо: первая Иванова Европа, и сразу — серебро! Но удручало, что мог бы и золото взять.

А случилось вот что. Перед соревнованиями Иван больше всего настраивал себя на то, чтобы преодолеть пресловутый барьер неизвестности. Это когда молодой борец врывается в мир и начинает крушить всех подряд у себя дома, в родных стенах, но стоит ему впервые отправиться на международный турнир, там он вдруг робеет перед маститыми иностранцами и теряет кураж, ломается. Шарыгину барьер неизвестности удалось в Берлине довольно быстро преодолеть: он просто представил себе, что это такие же наши парни, только строят из себя иностранцев. Одного за другим он победил всех соперников и вышел в финал. Здесь ему достался турецкий борец по прозвищу Пума. Великий спортсмен, чемпион Мехико, а на чемпионате мира в Манчестере победил самого Александра Медведя. В Берлине Пума объявил, что это его последнее выступление, а значит, намерен был уйти красиво. Но Иван считал, что имеет преимущества перед турком: во-первых, он на десять лет моложе Пумы, во-вторых, на двенадцать сантиметров выше — рост у олимпийского чемпиона Мехико был 178, в в-третьих, и самое главное — кураж, уверенность, что сейчас он как Суворов перед Измаилом.

Когда вышли на ковер, эта уверенность вдруг куда-то провалилась. Шарыгин увидел перед собой хищника, вышедшего на охоту и очень голодного. Во всех движениях — не зря прозвали Пумой! — царила кошачья грациозность, за которой скрывалась убийственная сила животного, решительно настроенного на хороший ужин. Хватая турка за руки, Иван чувствовал, что не может найти способ перевернуть этот стальной механизм. И он перешёл к выжидательной тактике, следя за тем, где соперник даст слабинку. Весь бой они провели на равных, но под конец Пума, который, казалось, выдохся, вдруг выстрелил неожиданно и зло: молниеносным броском перевёл Ивана

в партер и заработал столь необходимый единственный балл, давший ему победу по очкам.

Измаил остался непокорённым.

Теперь, в самолёте, Папиашвили первым прервал тишину:

— Серебро на своей первой Европе — тоже очень хорошо.

Иван хмуро проворчал:

— Это всё потому, что в Трентов-парк не ходили.

Выждав ещё минут десять, Папа снова решил его подбодрить:

— Проиграть Пуме не стыдно. Этот турок у самого Думбадзе все золотые медали отобрал — Европы, мира, Олимпийских игр в Мехико...

Он посмотрел на своего ученика и вдруг увидел, что тот вовсе уже и не страдает, что Ивана увлекла какая-то утешительная мысль. Шарыгин улыбнулся и подмигнул Папе:

— Этот турок научил меня самому главному.

— Главному? — вскинул брови тренер.

— Не надо ждать, когда ошибётся соперник, когда появится удобная позиция для броска. Надо идти напролом.

Папу больно задело за самое живое:

— Турок его научил! А грузин тебя этому не учил, скажешь? Знать тебе не хочу после таких слов!

Шарыгин испугался, что обидел наставника:

— Учил, учил!.. Прости меня, Георгий Михалыч! Ну, прости дурака! Ты учил, а я не слушал. Пума показал мне, как нужно слушаться дорогого Папу.

Папа с трудом, но задал в себе обиду и вспышку лютой злости.

— То-то же! Эх, Ванька... Зато тебе квартиру дают в Красношарске. Будешь теперь кум королю! Невест из каждого угла веником будешь выметать.

— Далась вам эти невесты!

— Правильно, не спеши. Сначала стань чемпионом Европы. Потом — мира. Потом — Олимпийских игр. Потом — ещё раз Европы, мира и Олимпийских игр. Потом — главным тренером СССР. Потом — председателем Комитета по физической культуре и спорту. Наконец, генеральным секретарем ЦК КПСС. Потом выйдешь на пенсию, а уж тогда... — И Папа громко, на весь самолёт заржал.

Куба либре! Куба — любовь моя! Великая революция, высокая слава. Куба перестаёт быть публичным домом Америки. Янки гоу хоум! Наши ракеты на Кубе, и самоуверенные дети американской мечты толпами бегут с восточного побережья своей разжиревшей страны на западное. Карибский кризис. Испугались воевать против нас с Кубой!..

Как это всё ещё живо в памяти. И вот здесь, в Монреале, где жилистые кубинские спортсмены взяли шесть золотых, четыре серебряных и три бронзовых медали, заняли восьмую строчку в командном зачёте, под общий свист-капиталист эта стальная кубинская сборная выходит на дорожку почёта под своим овечьим запахом свободы знаменем: три синих и две белых полосы, в которые вклинивается треугольник с белой звездой. И великий темнокожий боксёр, трижды олимпийский чемпион Теофило Стивенсон, широко улыбаясь назло свисту трибун, несёт это знамя, как автомат Калашникова. А за ним гордо идут другие боксёры, легкоатлеты, борцы, фехтовальщики, волейболисты, вновь заявившие, что Куба — не просто курортный остров под боком у США, Куба — автомат Калашникова, приставленный к рёбрам Дядюшки Сэма.

— Куба — любовь моя!.. // Слышишь чеканный шаг — // Это идут барбудо... — волнуясь в неясной и невыносимой тоске, пропела Катя, глядя на экран нового, недавно купленного “Рубина-714”. Его только что начали выпускать, и Ивану раздобыли один из самой первой партии. Катя накануне заикнулась, было:

— “Грюндик” бы...

— Вот ещё! — возмутился Иван. — Никаких “хрюндиков”! Советское — значит, отличное. Да, я советский человек до мозга костей. Был, есть и буду. Что ты так смотришь?

— Люблю тебя очень, вот и смотрю. Нельзя, что ли?

“Рубин” тоже волновался, отчего стал подмаргивать время от времени. Вот тебе и “отличное”! Недавно слышала анекдот: “Что значит растопыренная звезда советского знака качества, которая словно бы развела руками: “Всё, что можем!..”

Это подмаргивание раздражало Катю. Её с самого начала глодало непонятное дурное предчувствие, ещё когда муж только собирался в эту Канаду: не надо ехать! Но как это сказать? Предчувствие? Обсмеёт так, что не отмоешься. Надо было что-то придумать, сделать, в конце концов, такое, чтобы он не смог поехать... И вот теперь сиди одна перед моргающим “Рубином” и хоть волчицей вой.

Её путь к Ивану начался на том гимнастическом бревне, по которому она, двенадцатилетняя девочка, легко бежала, как по лунной дорожке с одного берега реки на другой. На одном берегу жила она, на другом — он, ещё не известный, неведомый, но такой великий и прекрасный, что в животе щекотало от мыслей о нём.

Строгая тренерша любовалась тем, как она порхает по сверкающей гимнастической дорожке, делала замечания:

— Ровней! Ровней, Катя!

Но Катя и без того прекрасно справлялась, ловко бегая по бревну, словно по канату. В одну сторону пробежала, в другую. В одну, в другую.

— Молодец, Катюша! Ну, просто Лариса Петрик!

Леденцова прыгнула, красиво выгибаясь ласточкой. Подружки Лена и Вика с завистью смотрели на неё. Она подошла к ним с гордостью, в которой сквозил вызов: ну, а вы когда так сможете?

— Ну, ты циркачка! — сердито сказала Лена. — Тебе бы по канату ходить.

— А что, я запросто!

— Вот и иди в цирк. Замуж за клоуна выйдешь.

— Чего это за клоуна?

— Ну, не за клоуна, за канатоходца.

— За дрессировщика тигров, — с завистью, но и подружечьей любовью произнесла Вика.

А уж когда шли из школы домой, Катю словно клонуло что-то в самое сердце:

— Я без вас знаю, за кого мне замуж идти.

— Ну, и за кого?

— Я?

— Ты, ты.

— Я выйду... За олимпийского чемпиона.

— По гимнастике?

— Вот ещё!

— По боксу, что ли?

— И не по боксу. Хотя бы по борьбе.

Почему по борьбе, она и сама не нала. По борьбе, и всё тут!

— И прямо сразу за олимпийского чемпиона!

— Прямо сразу!

Разговор как-то забылся со временем. А через три года она увидела его фотографию в газете.

— Пстой-пстой... Не этот ли?..

Он красовался на пьедестале, новый чемпион СССР по вольной борьбе в полутяжелой весовой категории.

— Иван Шарьгин.

Пока ещё только чемпион СССР, а будет её чемпионом!

И вот уже она сидела с теми же Леной и Викторией в сквере возле памятника Салавату Юлаеву. Все три достали свои альбомы с вклеенными в них

газетными и журнальными вырезками. Замелькали лица космонавтов, хоккеистов, артистов — Беляев, Леонов, Кубасов, Якушев, Харламов, Старшинов, Лановой, Тихонов, Ивашов... Лена первая увидела фотографию Шарыгина:

— Это что, твой борец? Олимпийский чемпион?

— Будущий.

— Не понимаю, как можно полюбить борца?

— А чо! Всё космонавты да хоккеисты... То ли дело борьба!

— Да ну! Я на них не могу без смеха смотреть.

— С чего это?

— Да форма на них смешная. Труссы на лямках. Осталось только дать совочек, ведерко и — вперёд, в песочницу!

— Чепуха. Нормальная форма. А под ней — шары мышц, красивая фигура, настоящая мужская мощь. Я загадала: буду женой того, кто станет чемпионом СССР в этом году. И им стал Иван Шарыгин.

— Ну, конечно. Ты же у нас сама будущая чемпионка по гимнастике. На пьедестал поднимается Екатерина Леденцова!

Когда через несколько дней Катю в сопровождении подружек и тренерши сажали в "скорую", она услышала, как врач сказал:

— Похоже, перелом голеностопа. Если так, то гимнастика ей больше не светит.

И почему-то больше всего запомнилось, каким злорадством просияло лицо родной подружки Лены. Но потом эта же Лена безотказно навещала её в больнице, да не по разу, а по два раза в день. И даже принесла ещё один журнал с фотографией Шарыгина:

— Ничего так парнишка.

Но не выдержала и лягнула:

— Только ты же теперь...

— Ну и что! Я в цирковую студию запишусь.

— Эх, Катюша... — Лена от души обняла подругу. — Фиг-два ты его теперь получишь!

— Посмотрим.

Выписавшись из больницы, Катя вырезала из журнала и эту фотографию. Собиралась её тоже вклеить в дневник, но вдруг передумала. Встала из-за письменного стола, подошла к шкафу, открыла его и канцелярскими кнопками пришила своего чемпиона на изнанку дверцы шкафа. Откроешь дверцу — он тут как тут, смотрит на неё. Причём как-то одновременно и внимательно, и небрежно. Ей нравилась такая манера у парней — внимательно-небрежная.

— Ступайте, Иван!

Катя захлопнула дверцу и захихикала. Снова открыла.

— Вы ещё здесь? Разрешите мне взять одежду, мне надо переодеться. Ну-ка, не подглядывать! Ну, вы нахал, товарищ Шарыгин! Вы что, все сибиряки такие?

Многие маленькие страны когда-то были большими и воинственными. Как Дания. Флаг Дании, Даннеброг — белый крест на красном поле — по преданию, спустился на христианское датское войско в тот миг, когда оно, дрогнув под напором языческого эстонского войска, собралось бежать с поля боя. С тех пор Дания то увеличивалась в размерах, то уменьшалась, пока не стала совсем маленькой. Но дух состязательности в датчанах остался, и на всех Олимпийских играх они постоянно завоевывали медали, в том числе и золотые. Одна золотая досталась им и в Монреале, так что Даннеброг мог без стыда развеяться над почётной дорожкой стадиона Большое-О.

В относительно небольшом городе Юлаевске имелись и свой цирк, и даже своя цирковая студия. Ею руководила пожилая степенная дама с причудливым, как и полагается артистам цирка, именем Мариэтта Генриховна Хоттабова. Леденцова ей сразу понравилась. Поначалу, пока последствия травмы залечивались, давала лёгкие задания, но прошла зима, и по весне Катя уже начала тренироваться ходить по низко и туго натянутому канату.

— Опорная нога прямая, стопа — вдоль каната. Канат проходит по середине пятки, — распоряжалась её движениями Мариэтта Генриховна. — Так, держи равновесие. Представь, что на голове у тебя бокал шампанского и его надо удержать. Плечами не двигать! Голова! Голова, как у памятника, тоже неподвижна. Спина тоже...

Сорвавшись с каната, Леденцова ловко приземлялась, тотчас вскакивала, как ни в чём не бывало.

— Приземляешься правильно. Уже хорошо.

— Там шампанское ещё осталось?

— Осталось.

Катя сделала вид, будто наливает из бутылки в бокал и ставит бокал себе на голову. И снова попыталась пойти по канату.

— Руки выше плеча! Ищи баланс, — раздались новые команды Хоттабовой. — Свободная нога тоже помогает балансировать. Так, хорошо. Главное — научиться держать спину. Она должна быть прямой, но не скованной. Если мышцы напряжены, не почувствуешь точку равновесия. Хорошо. Хорошо. Руки! Не опускать! Руки расслабленные, мягкие. Скованных эквилибристов не бывает...

Катя снова упала. На секунду её охватило отчаяние, и она легла на арку цирковой студии, зарылась лицом в ладони. Она шла по канату, а Иван Шарыгин стоял внизу вместо Мариэтты Генриховны. Командовал:

— Ищи баланс! Скованных эквилибристов не бывает!

Катя теряла баланс и падала, а Иван ловил её, кружил по арене, а сама арена расширялась и расширялась в своих пространствах, превращаясь в огромное поле цветущих цветов.

Леденцова вскочила и снова пошла на канат.

Вечером дома она смотрела на фотографию Ивана, прикреплённую к стенке шкафа. Иван смотрел на Катю внимательно и слегка небрежно.

— Поймаешь? — спросила его Катя. И он ответил своим добрым взглядом:

— Ну-тк!

И вот уже она увереннее шла по туго натянутому канату, а Хоттабова хвалила её:

— Уже лучше. Значительно лучше. Опорная нога — задняя! И не смотри под ноги, смотри вперёд, на конец каната. Хорошо. У тебя же идеальная координация! Молодец, Катюша!

Катя уверенно дошла до конца каната, ступила на тумбу. Сделала вид, будто снимает с головы бокал шампанского и выпивает его.

— Bravo! — засмеялась Мариэтта.

На другой день Катя с Леной и Викой ехала из школы в трамвае. Настроение — самое дерзкое.

— Кать, покажи-ка ещё раз твоего чемпиона, — попросила Лена.

Леденцова посмотрела на подружку с недоумением, но открыла портфель и показала дневник с фотографией Ивана. И тут Лена вдруг выхватила у нее дневник и вознесла его над головой:

— Граждане! Вы едете в одном трамвае с женой чемпиона страны по борьбе Ивана Шарыгина!

— Ленка! Дура, что ли? Отдай!

— Не надо стесняться, жена чемпиона!

Она стала пятиться, увиливая от рук Кати, цапающих, пытаясь выхватить у неё дневник.

— Жена чемпиона! Жена чемпиона! — Ленка перебросила дневник Вике. Та поймала и невольно ступила в глупую игру на стороне Лены.

— Оп-па! — тоже подняла дневник Леденцовой над своей головой.

— Эй, жена чемпиона! А где твой чемпион? — крикнула Ленка.

Катя попыталась отнять дневник у Вики, но та перебросила его Лене.

— Девочки! Девочки! — возмутилась одна из пассажирок трамвая, милостивая женщина лет пятидесяти.

Трамвай остановился, и Лена с дневником Кати выскочила из него. Катя и Вика припустились следом. Оказалось, они выскочили прямо около цирка.

На мгновение все три девятиклассницы замерли перед красочной афишей, на которой были изображены тигры и дрессировщик Святослав Барселонский, высоченный гигант, широкоплечий красавец.

Выхватив у подруг свой дневник, Катя со всего размаху влепила подзатыльники одной и другой.

— Вот так борзость! — возмутилась Ленка, и теперь уже Катя убежала от них, а они догоняли её. Леденцова вбежала в здание цирка. Смешной пожилой охранник, будто нанятый сюда непосредственно из кинокомедий Александрова — “удивительный вопрос: // почему я водовоз?” — растопыренно попытался поймать её, но она сиганула от него во всю прыть.

— Это ещё что за цирк! В милицию захотела?! — возмутился “водовоз”-охранник.

Она бежала куда глаза глядят, и вдруг оказалась высоко над ареной, а перед ней — туго натянутый канат. Внизу на арене Святослав Барселонский репетировал с двумя тиграми. Сзади — охранник, внизу — тигры, впереди — канат. Эх, где наша не пропадала! И Леденцова шагнула.

— Куда ты! Стой, дура-девка! — Видно было, что беднягу охранника вот-вот сцапает тигр по имени Инфаркт.

Но дура-девка уже шла по канату, балансируя, с портфелем в одной руке, с дневником в другой. Всё вокруг замерло. Охранник в ужасе, потому что это он не закрыл дверь и по его вине может сейчас случиться непоправимое. Барселонский смотрел снизу на то, как Катя идёт по канату. Тигры в волнении прижались друг к другу.

— Иди! Вниз не смотри! Иди! — крикнул дрессировщик.

Катя дошла до середины каната и не выдержала, посмотрела вниз, ей стало страшно, в закружившейся голове звякнул перевернувшийся трамвай.

— Прыгай, я поймаю! — крикнул Барселонский.

Катя сделала ещё один шаг, окончательно потеряла равновесие и прыгнула. К счастью, канат был натянут не очень высоко. Знаменитый дрессировщик поймал дуру-девку. Тем временем ассистент успел уже отогнать тигров, увести их с арены.

— Сумасшедшая! — Барселонский поставил Леденцову на ноги. — Цела?

— А что мне сделается! Я вообще-то умею по канату ходить, — нагло ответила Катя.

— Ага, умеешь!

— Это я специально спрыгнула, чтоб вы меня поймали.

— И на фигу?

— Я вам новый номер придумала. Возьмите меня в свою труппу.

— С ума, что ли, сошла?.. Постой-постой... А что? Это мысль. Мы тут с хищниками, а ты над нами по канату...

— Так а я про что! Возьмите! Не пожалеете!

Барселонский задумался, на лице его высветилось: а чем чёрт не шутит?
— Ты идёшь, теряешь равновесие, падаешь, а я тебя ловлю и спасаю от хищников...

— Точно!

— Классно!

— Берёте?

— Всё хорошо, только у нас сегодня последний день гастролей. Завтра уезжаем.

— Я с вами.

— То есть?

— Сбегу!

— Не валяйте дурака, школьница! Сбежит она!

Ночью дома, пока все спали, Катя собрала вещички в небольшую сумку, затем прошла в ванную комнату и перед зеркалом отрезала себе волосы. Довольно ловко и быстро сделала короткую причёсочку.

— А ничего причёсочник!

Она тайком вышла из дому, тихонечко закрыла за собой дверь. Только бы никто не попался, иные соседи любят по ночам шастать. Она выбежала из

подъезда, посмотрела на родные окна. Прощай, отчий дом! Растворилась в ночи.

Утром Александр Александрович Леденцов, в просторечии Сан Саньч, отправился будить спящую дочь. В белой майке и синих тренировочных штанах, позёвывая, он подошёл к её кровати. Катя спала, укрывшись с головой одеялом.

— Катюшенька, вставай!

Ноль внимания. Сан Саньч медленно стянул одеяло с головы дочери... А головы там не оказалось! Мяч, и дальше вместо тела — свернутые одежды.

— Это ещё что такое!!! Где Катя?

На письменном столе — записка. Леденцов схватил её, прочитал, в растерянности зашагал на кухню, где его жена, Катина мама Нина Мелентьевна готовила завтрак.

— Нина! Катька сбежала!

— Как сбежала? Куда?!

Через четыре часа Катя с отцом уже ехала в автобусе. По лицу у Кати бежали слёзы. Отец напоминал собой памятник Салавату Юлаеву, желающему раскрошить екатерининскую Российскую империю.

— Бросить отца и мать! Родной город, школу... И, главное, в день столетнего юбилея Ленина! Как такое в голову могло прийти?!

— Мы со Святославом Барселонским такой номер придумали! А он обманщик — они уже ночью уехали из Юлаевска-а-а-а!

— Безобразие! Кошмар! Полная безответственность! — Желание крушить убежавшую из дома у Сан Саньча всё нарастало. — Неужели ты вправду хотела уехать с этой шантрапой? С этими циркачами!

— Все знаменитые артисты цирка так начинали свою карьеру.

— Убегали с заезжими гастролёрами? Так уж и все! Хорошо, что я вовремя тебя успел отловить! Под замок тебя! В школу лично буду провозжать. А на лето — в Красношарск, к Лизавете.

— Почему в Красношарск?! — В Кате всё внутри так и подпрыгнуло.

Старшая сестра Лизавета с мужем Дмитрием жила в Иркутске.

— Утром звонила, они с мужем туда переезжают. Хорошую квартиру им дают в Красношарске. Дмитрию — новую работу, оклад хороший. Вот пусть они тобой занимаются, а нам с матерью надоели твои причуды.

Только что всё было потеряно, и вот — Красношарск! А ведь он живёт там, Иван Шарыгин. Конечно, ей хотелось приехать в Красношарск с гастролёрами, и чтобы он впервые увидел её на канате, в блестящих одеждах, обтягивающих её стройную фигурку, на голове — шапочка с высокими страусиными перьями... Ещё ей хотелось быть мулаткой с красивой смуглой кожей, но это уж было совсем невыполнимо...

Доминиканская республика — рай для отдыхающих. И флаг у неё красивый: белый крест, по бокам от которого синие и красные квадраты. Большинство населения страны — мулаты. Но в спорте они не блещут, никаких медалей ни в Монреале, ни до него. Точно так же и Эквадор, хотя флаг у него тоже красивый — жёлто-красно-синий, с парящим орлом и гербом, на котором и море, и горы, и солнце...

Летом в Красношарске очень хорошо. И солнца много, и разлив Енисей, подобный морю, и горы есть, особенно красивая скала Красный Шар, словно голова исполина с лицом, покрасневшим от свежего загара.

— Это были два брата, — рассказывала младшей сестре старшая, сидя с ней в машине на заднем сиденье. — Одного звали Енисей, другого Анисей. И оба они не поделили красоты Сибири, в которую влюбился до беспмятства. Бросили жребий. Красавица досталась Анисею, но ей больше нравился Енисей, и она решила с ним сбежать. Анисей бросился за беглецами в погоню. Видя, что он вот-вот их догонит, Енисей превратился в реку и понес свою красавицу Сибирь дальше к океану, а Анисей решил тогда эту реку выпить. Пил-пил, пил-пил, пиил-пил, раздулся весь, сделался красным, да и окаменел навеки. Так появились река Енисей, страна Сибирь и скала

Красный Шар, возле которой потом был основан Красношарск.

— Лизка, ты что, тут гидом будешь работать? — со смехом спросила Катя.

— Она уже про Красношарск знает больше, чем сами жители, — сказала сидящая на переднем сиденье Аня, сестра Лизиного мужа Дмитрия. Ей, как и Кате, в этом году исполнилось пятнадцать лет. И она, как и Катя, всю строила из себя совершеннолетнюю.

— Увидишь, какую нам тут квартирищу дали, — радовалась жизни Лизавета. — Чумаков у меня гений и злодейство в одном лице. Умеет урвать от жизни всё.

Лиза, как некоторые жены, предпочитала называть мужа по фамилии.

— А ещё у нас новость, — сказала Аня. — В нашем доме поселили Ивана Шарыгина.

Это было уже слишком! Мало того, что Катю отправили в ссылку в тот город, где жил её чемпион, а тут ещё такое! В жизни бывают случаи, про которые, если написать в книге, читатели скажут: “Ну, ты, брат писатель, заврался!”

— Какого Шарыгина? — так и задохнулась от невероятного известия Катя.

— Конечно, откуда вам в Башкирии знать про наших красношарских знаменитостей, — засмеялась Лиза, уже вовсю явно осознавая себя красношаркой.

— Шарыгин — чемпион Советского Союза по вольной борьбе, — “открыла Америку” Аня, а заодно и “Австралию”: — Серебряный призёр чемпионата Европы.

— Мы живём на шестом этаже, а его недавно поселили на девятом, в нашем подъезде, — добавила информации Лиза. — Квартиру дали. Ещё бы! Чемпион России и всего Союза, серебряная медаль на чемпионате Европы в Берлине...

— Парню двадцать один год. А красавец! Высоченный, статный.

Услышав из уст Ани такие слова, Катя похолодела от возмущения: похоже, девушка тоже нацелилась на него. Ну уж нет! Не зря её сюда в ссылку отправили. А главное, вовремя.

Водитель служебной машины Чумакова вытащил из бардачка газету, развернул её одной рукою и протянул на заднее сиденье. На Катю легко и просто взглянул её чемпион.

— Ну, как тебе? — спросила Аня Катю.

— Ничего себе так мужчина, — ответила Леденцова-младшая.

— А мой Чумаков его курирует, — сообщила Леденцова-старшая.

— Его? Лично?

— Ну, не только его. Всю эту спортивную местную шатию-братию.

Третье чудо ожидало Катю, когда приехали, вошли в дом, подошли к лифту, нажали кнопку, постояли минуты две, а из лифта вышел сам Иван Шарыгин. Не ври, писатель, но жизнь как пошла чудить перед Катей, так и не могла остановиться.

Анька толкнула Катю под рёбра острым локотком:

— Катька!..

Проходя мимо, Иван с улыбкой подмигнул Аньке и бросил беглый взгляд на Катю.

— Здравия желаю!

— Здравствуйте, товарищ чемпион, — звонко ответила Анька.

— Здра... — задохнулась на полуслове Катя.

Он пошёл дальше, Лиза, Катя и Аня вошли в лифт, но не спешили нажимать на кнопку, смотрели вслед Ивану, как тот выходит из подъезда. Шарыгиным трудно было не залобоваться — Аполлон и Геракл в одной статуе!

Когда, наконец, лифт поехал вверх, Катя не выдержала и выдохнула всем сердцем:

— Надо же, живой Шарыгин!

А Анька:

— Лёгок на помине! Скажи, хорош? Я сразу в него влюбилась по уши.

Катя ничего не ответила. Просто решила для себя про Аню: убью, заразу такую!

Вечером следующего дня Леденцова во второй раз в жизни увидела живого Шарыгина. Она гуляла с маленьким племянником Витей во дворе дома. Витя всё не слушался, таскал из песочницы песок и разбрасывал его где ни попадя. Его пятнадцатилетняя тётка сердилась:

— Чумачонок! Я тебе уже двадцать раз сказала...

И в этот миг появился Иван. Он возвращался домой после тренировки, усталый, измотанный. Но при виде Кати приосанился, и она заметила это. Он улынулся и сказал:

— Привет голубым глазам!

И у неё всё внутри замело тёплым снегом.

— Здра... встуйте...

Иван зашагал дальше, подошёл к подъезду. Катя зачарованно смотрела ему вслед. Возле подъезда он оглянулся и помахал ей рукой.

На другой день они караулили его вечером уже вдвоём с Анькой, которая уже сильно злила Катю своими притязаниями на Ивана:

— Только учти, я в него первая влюбилась.

Катю это бесило, но признаться в том, что она уже давно собирала все фотографии Шарыгина и вклеивала их в свой дневник, Леденцова не решалась.

Появился Иван, он снова усталый возвращался с тренировки. При виде него девушки спрятались, подглядывая за ним, как он входит в дом, и пулей помчались, чтобы успеть с ним вместе в лифт. Когда вбежали в нижний вестибюль дома, Иван уже стоял в лифте.

— Эй, подождите, пожалуйста!

Девушки вбежали в лифт к Ивану.

— Ой, здравствуйте! — кокетливо стрельнула глазками Анька. “Дура!” — ответным выстрелом пролетело в голове Кати. Она поздоровалась без кокетства. Изо всех сил заставила впрыснуть в своё приветствие дозу иронии:

— Здравствуйте, товарищ Поддубный.

— Здрасьте-здрасьте... — Иван снисходительно смотрел на двух малолеток. Нажал на кнопку.

— Познакомьтесь, это Катя, брата жены сестра.

— Очень приятно. Иван. Брат сыновей и дочерей отца и матери.

Анька от души прыснула со смеху. Катя сказала сдержанно:

— Остроумно.

Надо было спешить, пока лифт не выбросит их на шестом этаже.

— А мы завтра на плотину гулять едем. Хотите с нами поехать? — успела предложить Аня.

На другой день Чумаков, Шарыгин, Лиза, Катя, Аня и маленький Чумачонок восторженно смотрели на плотину Красношарской ГЭС.

— Вот где силища! — с уважением произнёс Иван.

Чумаков засмеялся, схватил Шарыгина за бицепс, сжал двумя пальцами:

— Вот где силища!

От могучей плотины компания отправилась в Златогорск на великолепные песчаные пляжи. Мужчины быстро разделись первыми, вошли по колёно в холодную даже среди лета енисейскую воду. Катя с горечью заметила, что на обоих модные плавки. На ней-то дремучий совковый купальник с противными рюшечками, закрытый. Она медлила. Чумаков пошёл дальше, окунулся, поплыл.

— Эх, хорошо!

Иван тоже сделал шаг вперёд, Катя сняла с себя платье, осталась в купальнике. А он оглянулся и посмотрел на неё. В его взгляде она жадно прочитала, что ему понравилась её стройная женственная фигурка. Катя смутилась от его взгляда, и он снова подмигнул ей, с весёлым смехом зашагал дальше в воду.

Теперь надо было совершить поступок. На другой вечер Катя и Аня снова подкарауливали Ивана, чтобы опять как бы невзначай оказаться с ним вместе в лифте.

— Прячемся! — дернулась Аня при виде появившегося в отдалении Шарыгина.

— Это уже было, — с вызовом ответила Катя и начала совершать свой поступок. — Ты что, не веришь, что я могу по канату ходить?

— Я? Не верю? — удивилась Аня. — При чём тут это?

— А при том. Смотри, Фома неверующая!

И Леденцова схватилась руками за верх невысокого, чуть ниже человеческого роста, забора, легко и изящно вспрыгнула на него и пошла, как по канату.

— Да верю я, верю! — проскрипела Аня, понимая смысл Катиной затеи. — Дальше-то что?

— Смотри, смотри, — иронично усмехнулась Леденцова, продолжая исполнять роль канатоходки. Иван подошёл, с удивлением глядя на неё. Три раза хлопнул в ладоши.

— Ловко!

— Ничего особенного, — сказала Катя как бы равнодушно. — Я вообще-то в цирке собиралась выступать. Меня Святослав Барселонский в свой аттракцион с хищниками приглашал. Сам Барселонский на арене с тиграми, а я над ними по канату...

— Врать-то! — рассмеялся Шарыгин.

— Честное комсомольское! — фыркнула Леденцова. И ведь не соврала. Ведь предварительный сговор с Барселонским был. Она же не виновата, что они, гады, среди ночи умотали из Юлаевска, как воры какие-нибудь.

Видя, что Иван вот-вот тронется и пойдёт дальше, Катя нарочно сделала вид, что у неё закружилась голова, и стала падать с заборчика. Иван поймал её. Она почувствовала, что от такой внезапной близости с девушкой в Иване что-то проснулось. Не могло не проснуться. Он удивлённо смотрел в ясные глаза Кати, в которых читалось и клочкотало всё: и жажда любви, и лукавство, и шалость... Катя встала на ноги напротив Ивана.

— Спасибо, товарищ Поддубный.

Анька горела ненавистью, еле сдерживалась, но нашла в себе силы произнести:

— А нам тут на завтра четыре билета в кино обломались. Хотите с нами? И товарища пригласите.

— Обломались? А что за кино?

— “Белый взрыв”.

— Белый? Взрыв?..

Дома Анька едва не растерзала Катю. Не стерпела и ущипнула её за предплечье.

— Анька! Ты чего? С ума сошла? Больно же!

— А то! Я первая в него влюбилась!

— Ну так и пошла бы по заборчику.

— Ох, и стерва же ты, как оказалось! Змею в своём доме пригрели!

— Погоди, не шипи. А то сама на змею стала похожа.

И тут Катя залезла в свой чемодан и достала оттуда дневник с вклеенными в него фотографиями Шарыгина. Капитуляция Анны Чумаковой была теперь неизбежной.

Испания! Великая страна, великая история. Увы, в Монреале испанцы не взяли ни одной золотой медали, только серебряные. И потому боксёр Энрике Родригес Каль с грустным лицом нёс испанское знамя — красно-жёлто-красное, с гербом ближе к древку. На гербе щит с гербами Леона, Кастилии, Арагона, Наварры и Андалусии, а также белые Геркулесовы столпы — Гибралтар. В те времена во главе Испании оставался Франко, и при нём герб обрамляли крылья, хвост и голова чёрного орла. Это уже потом, после смерти диктатора орёл улетит с испанского знамени.

К Шарыгину вновь пришла делегация.

— Иван, можно тебя на минуточку?

Павлушин, Исаков, Даниличев, Бурдюков и Папиашвили взяли Ивана в плен, окружили, оттащили от остальных спортсменов.

— Бить будете? — усмехнулся Шарыгин.

Слово взял Бурдюков:

— Иван Николаевич, по нашему общему мнению, знамя должен нести я как главный тренер сборной. И я готов возложить на себя эту миссию.

— Константин Фомич, — вздохнул Шарыгин. — Я вас очень уважаю. Но такое решение будет идти вразрез с мнением коллектива. А коллектив в советской стране — самое главное, не так ли?

— Ваня, ёлки-пальки, — возмутился Папа. — Слушай сюда, что тебе взрослые дяди говорят!

Как всегда, когда он волновался, в его речи сильно проступал грузинский акцент, и вместо “взрослые дяди” он смешно произнёс: “взрослии дядя”.

— Ванюша, — ласково обратился к Шарыгину председатель Комитета по физкультуре и спорту, — хочешь, я перед тобой на колени встану? Сделай вид, что у тебя резко обострились боли. Мы срочно проведём собрание, и знамя понесёт Константин Фомич.

— Павел Сергеевич, Константин Фомич, Георгий Михайлович, Павел Игнатьевич, — перечислил всех вокруг себя Иван, кроме Даниличева, которого он запамätывал, как зовут. — Клянусь, я вас очень, уважаю и ценю ваше мнение. Но прошу вас, дайте мне знамя! Не отнимайте его у меня! Ведь это знамя великих побед моей Родины, и все проголосовали, чтобы его нёс я.

Пламенная речь заставила всех умолкнуть.

— Да ничего не будет, клянусь вам. Никто в меня стрелять не станет.

— Откуда ты знаешь, ёлки-пальки?!

— Знаю. И точка.

Все пятеро внимательно и хмуро смотрели в полное решимости лицо Шарыгина. И вдруг первым улыбнулся Исаков. Хлопнул Ивана по плечу:

— Молодец, мужик! Уважаю!

И пошёл обратно смотреть в свой бинокль. Даниличев последовал за своим начальником. Улыбнулся и хлопнул Ивана по локтю Павлушин:

— Ну, смотри! Обещал, что никто не стрельнёт.

— Слово своё сдержу, — расплывался в улыбке, радуясь, что на этом все уговоры кончатся, Иван.

— Да вы что, с ума посходили? — продолжал кипятился один только Папиашвили. — Что он может обещать? Что какая-то гнида вдруг скажет: “А! Зачем я буду в него стрелять? Он такой хороший, такой лапочка! Так любит знамя!” Да?

Но Павлушин уже тоже отошёл и отправился на стадион. Лишь Бурдюков оставался хмурым. Потоптался и проворчал:

— Эх, была у меня возможность... Ну, спасибо тебе, Иван!

— Не сердитесь, Константин Фомич. И спасибо вам огромное! — Шарыгин протянул руку главному тренеру сборной, и тот принял рукопожатие, но улыбки не смог из себя выдать, отходил печальный.

— Этот-то чего недоволен! — Папа сделал в его сторону характерный грузинский жест. — Что пули ему не досталось?

— Смешной вы, Георгий Михайлович, — сказал Шарыгин. — Разве, если бы вам сейчас дали нести знамя, вы бы отказались?

— При том, что ещё и застрелят?

— Да.

— При том, что сказали бы: “Иди, Гоги, вот тебе красный флажок, неси его гордо, а из тебя пулями сделают дуршлаг”?

— Именно так.

— Что я, дурак, по-твоему?

Папиашвили засмеялся, потом умолк, сделался серьёзным и закончил разговор:

— Что я, дурак, чтобы отказаться от такого! О чём речь, ёлки-пальки, конечно же пошёл бы! Как Егоров и Кантария!

Катя сидела в горячей ванне, изнемогая, а Анька зачитывала ей из журнала:

— “Чем ванна горячее, тем лучше разгоняется кровь и тем ярче и соблазнительнее будет ваша внешность. Вспомните сказку про Конька-горбунка, в которой Иван смело бросается в кипяток, а выходит из него похорошевшим...”

Ознакомившись с Катиным дневником, Аня повела себя благородно — сдалась. Но фифти-фифти — теперь они должны были на равных состязаться за Ивана, и если одна победит, то другая — отойди, милшечка, в сторонку.

— Я выйду сваренная, как яйцо вкрутую! Всё, не могу больше, дышать нечем... Я уже и так красивая.

— Тогда вылезай, моя очередь. Но потом не плачь, если у меня всё заладится, а у тебя нет.

Леденцова выскочила из горячей ванны в полном смысле слова, как ошпаренная. Аня залезла на её место, минуты две вквохтала, потом добавила ещё кипяточку. Катя, внимательно разглядывая себя в зеркале, пришла к выводу:

— Заладится.

На другой день Аня и Катя сидели в укромном месте сквера напротив кинотеатра “Радуга”, волновались в ожидании Ивана. Шарыгин явился за десять минут до начала сеанса.

— Фу-у-у! — скривились обе девушки при виде его спутника. Маленький, вертявенький.

— Ну, и недомерок! — поморщилась Аня.

— Почаще так морщи нос, и моя победа обеспечена, — усмехнулась Катя.

Подождав ещё минут пять, они отправились навстречу судьбе.

— Познакомьтесь, Леонид, — представил Иван своего приятеля. — Тоже борец.

— Анна.

— Катя.

— А расфуфырились-то! Даже и не скажешь, что вам по пятнадцать, — ещё больше испортил о себе впечатление Леонид.

— А про вас не скажешь, что борец, — отфутболила Аня.

— Он в лёгкой весовой категории, — заступился за приятеля Шарыгин. — Между прочим, мастер спорта всесоюзной категории, серебряный призёр чемпионата СССР.

— Ну, наверное, в очень-очень лёгкой категории, — продолжила зубоскалить Чумакова. — В самой такой лёгонькой.

— До пятидесяти килограммов, — нахмурился Леонид.

— Серебряный призёр? — Леденцова проявила интерес, дабы не накалять обстановку. Даже пихнула Аньку исподтишка. А то ведь обидятся парни, возьмут да и учешут. — А как ваша фамилия?

— Шустиков, — всё ещё хмуро назвала Леонид.

— Тот самый! — воскликнула Катя. — Я читала о вас. Молодые люди, мы что, так и будем тут у входа стоять? Позвольте, Лёня? — И она взяла Шустикова под руку, повела за собой, всучила ему билеты: — Билеты должен предъявлять мужчина.

Анька не верила своим глазам — Катя сама выбрала себе этого замухрышку. Что это? Капитуляция? Но почему? Э, нет, это хитрый ход! Так размышляла она, идя под руку с Иваном. Девушки не знали, что при виде их борцы обменялись следующими репликами:

— Моя чур та, которая поменьше! Мне по росточку подходит, — сказал Шустиков, имея в виду Катю.

— Да пожалуйста. Я лично ничего такого с ними не собираюсь, — пожал плечами Шарыгин.

— А я бы лично не стал сопротивляться.

— Лёня! Сворачивание малолетних.

Билеты, конечно же, девушки заранее прикупили на самый последний ряд. Катя села у прохода, справа от неё Шустиков, за Шустиковым — Аня,

за Аней — Шарыгин. Рядом с Шарыгиным место пустовало, и это сыграло свою весьма важную роль в дальнейшем развитии событий.

— О! “Фитиль”! Обожаю “Фитиль”! — ликовала Аня, когда начали показывать короткометражку перед основным сеансом. — Иван, вы любите “Фитиль”?

— Жить без него не могу, — ответил Шарыгин.

За те несколько минут, пока они ждали, когда погаснет свет, ему уже пришлось ответить на вопросы, любит ли он Экзюпери, какое животное в зоопарке нравится ему больше всех, не считает ли он певца Валерия Леонтьева уродом, зануда ли Тарковский, есть ли загадка в “Чёрном квадрате” Малевича, сойдутся ли заново “Битлз”, имеют ли право на существование карликовые собачонки, будет ли и когда война с Америкой, чем вызван такой бум на джинсы и какое его любимое стихотворение у Пушкина. Любит, но не “Маленького принца”, а “Ночной полет”; горилла; считает, хотя, некоторые песни ничего; в общем-то да, загадка есть, в том, что он не круг; не сойдутся, как Запад и Восток; право имеют все; будет, но не скоро; их отсутствием и “Клеветникам России”.

Во время “Фитиля” Аня, слава Богу, смеялась и вопросов не задавала. В перерыве между “Фитилём” и фильмом Иван сам стал задавать вопросы:

— А Катя откуда к вам приехала?

— Из Юлаевска. Есть такой городок в Башкирии. А что?

— Просто интересно. Она что, куда-то поступать будет в Красношарске?

— Нет. Её родители к нам на перевоспитание прислали. В Сибирь, в ссылку.

— За что же?

— С циркачом хотела из родного дома сбежать.

— Ого! С Барселонским?

— Ну да. Уже слышали? А он её обманул, сам сбежал, пока она к нему собиралась. Катка вообще такая...

— Какая?

— Ой, лучше не спрашивайте. И советую: держитесь от неё подальше. У неё семь пятниц на неделе. Ветер в поле, в голове — дым. Девчонка хорошая, но характер, хм-хм... А вы чего всё про неё выведываете?

— Нельзя разве?

— Да нет, пожалуйста. Спрашивайте, отвечаю: год рождения пятьдесят пятый, дата рождения девятое мая, странно, что её Викой не назвали, Виктория — победа. Учится, насколько мне известно, хорошо. Готовилась в гимнастки, но перелом голеностопа и — гудбай. Подлечилась, постушила в цирковую студию. Дальше уже знаете, неудавшийся побег, и Катерина вся в слезах бежит к обрыву. Что ещё? Паспортные данные? Этого я вам не скажу.

Начался фильм. “Белый взрыв”, про войну, режиссёр Говорухин, знаменитые актеры Гурченко, Никоненко, Джигарханян, Закариадзе, Высоцкий. Немцы из дивизии “Эдельвейс” заняли удобные позиции высоко в горах Кавказа и обстреливают наших. Группа из шести советских альпинистов получает задание забраться на гору и взорвать снежную вершину, чтобы лавина нарыла гитлеровцев.

Шустиков что-то нащёпывал Кате, она посмеивалась, Иван то и дело поглядывал на них. И вдруг увидел, что Катя с досадой посмотрела на него. Они встретились взглядами, и этого оказалось достаточно для решительных действий. Иван ещё минуту смотрел на экран, затем глянул на пустующее место справа от себя, вздохнул и встал.

— Вы куда, Иван?

— Я на минутку. Мне в Кремль позвонить надо.

Он пробрался к проходу, ушёл.

— Куда это он? — спросила Катя Аню.

— Сказал, что ему в Кремль позвонить срочно надо.

Катя и Шустиков захихикали.

— Я в Кремль заблаговременно позвонил, ещё перед сеансом, — сказал Лёня. Он снова стал нащёпывать Кате всякую чепуху, она посмеивалась, а сама с тоской поглядывала на выход.

— Мы когда с Ваней были в Берлине на чемпионате Европы, — шептал Шустиков, — он, собака, купил мне самую манюсенькую бутылочку с каким-то ихним ликёром, три капли. Так я ему отомстил: нашёл надувную бутылку с надписью “Руссиш водка”, надул и подарил. В утешение, что он не стал чемпионом Европы.

— Давайте, Лёня, кино немного посмотрим, — предложила Катя и тут увидела, что Иван возвращается. Он подошёл, глаза его в темноте сверкнули, отражая луч проектора, бегущий сквозь чёрный квадрат зала. Как-то странно посмотрел на Катю, вдруг нагнулся к ней, взял левой рукой под ноги, правой за спину.

— Позвольте, Катюша, — сказал он мягко, будто оказывая ей экстренную помощь. Поднял на руки и стремительно перенёс на то пустующее место справа от него. Катя даже не знала, что сказать, восхищённо глотала воздух, а сердце колотилось сильнее, чем когда она шла по канату над тиграми.

Шустиков и Аня ошарашенно и возмущённо повернули головы в сторону Ивана и Кати. И тоже не знали, что сказать. Первым прыснул со смеху Лёня:

— Ну, Ванька! Вот он во всём такой!

Он тотчас стал что-то шептать Ане, но та от обиды грубо одёрнула его:

— Дайте хотя бы кино посмотреть!

Совершив подвиг, Иван долго не знал, что сказать Кате, а та — что сказать Ивану. Она была в восхищении от его дерзкого и совершенно неожиданного поступка. Долгое время они оба внимательно смотрели на экран, будто пришли сюда исключительно ради киноискусства. Наконец, когда героиня фильма Артём накрыл героиню фильма Веру своей курткой и та сказала: “Нет, не надо, правда, не холодно”, — Иван накрыл руку Кати своей огромной лапой, но Катя выдернула свою руку и со смехом сказала:

— Мне тоже не холодно.

И Иван медленно убрал руку. Прошло ещё пятнадцать минут. Камень попал Артёму по голове, и тот стал падать со скалы. Вера из последних сил держала его на верёвке. В это мгновение Катя уже сама схватила Ивана за руку. Другую ладонь в испуге прижала к своим губам. Артём со словами: “Как глупо! Прощай, Вера!” — перерезал верёвку и упал вниз, разбился.

— Он погиб?! — спросила Катя.

— А иначе бы и она погибла. Ценой своей жизни он спас её.

Иван с восхищением смотрел, как в темноте зрительного зала сияли в сопереживании героям фильма глаза Кати. Она хотела убраться со своего места, но Иван крепко держал её своей лапой.

— Пусти!

— Так надёжней будет.

И она смирилась. В конце фильма произошёл “белый взрыв” — немцев накрыла лавина.

— Так им и надо, гадам! — обрадовалась Катя. Но из шестерых наших героев осталась в живых одна только Вера... Впрочем, нет, через минуту Вера увидела, что Спичкин тоже живой, обрадовалась, а вместе с ней искренне радовались Иван и Катя.

— Хорошо, что хоть этот остался жив! — сказал Шарыгин.

— Очень хорошо! — согласилась Леденцова и утёрла слёзы. В это время на экране Спичкин сказал Вере: “Ну, не плачь! Я же говорил, что я везучий. Правда, везучий!”

После фильма Лёня и Аня пошли в одну сторону, а Иван и Катя — в другую. Они медленно шли по ночному Красношарску. Катя спросила:

— А ты? Везучий?

— Везучий. Даже очень везучий.

— С тобой никогда ничего не случится?

— Никогда!

— Обещаешь?

Иван засмеялся:

— Честное комсомольское!

— Ладно. Принято единогласно.

Потом пошёл дождь, а когда он усилился, Катя и Иван уже сидели за столиком в ресторане. Им принесли мороженое, минералку и бутылку шампанского, которое заказала Катя. Музыканты пели “Кто тебя выдумал, звёздная страна? // Снится мне издавна, снится мне она...”

— Ты тоже пей шампанское, — попыталась командовать Катя, когда Иван налил ей вино, а себе минералку.

— Да нельзя мне никакого алкоголя, чудачка ты! — отказался Шарьгин.

— А мне понравилось! Впервые шампанское пью. В голове пузырьки, пузырьки...

— Так сколько тебе лет-то?

— Честно?

— Честно.

— Двадцать.

— А если ещё честнее?

— Ладно уж, товарищ следователь. Шестнадцать.

— А не пятнадцать?

— Шестнадцать. Будет. Скоро.

— Скоро это когда?

— Девятого мая.

— Так это только в следующем году! Тебе пятнашка совсем недавно исполнилась. Ну, приехали! Спаивание и совращение малолетних!

— Спаивание налицо, а вот совращения что-то не вижу.

— Ещё чего не хватало!

Музыканты покончили с лирикой, и в ресторан ворвался наглый капиталистический Запад.

— Ну, а плясать-то тебе можно хотя бы? Эй, чемпион!

— За это не посадят!

Катя схватила Ивана за руку и потащила из-за стола. Оказалось, Шарьгин прекрасно танцует рок-н-ролл. Он огромный, она маленькая, он бросал её, как куклу, переворачивал через себя, на них уже все смотрели, им аплодировали...

Когда они шли по ночному Красношарску, Катя, опьяневшая от шампанского, танцев и всего, что с ней происходило, без умолку рассказывала о себе:

— Вот так я и не стала циркачкой в номере у Барселонского.

— Может, оно и к лучшему.

— Почему это?

— Ты бы не приехала сюда.

— Я бы всё равно приехала. У меня была мечта — приехать со своим цирковым номером и послать тебе приглашение.

— Мне?

— Ну, а кому же! И чтобы ты увидел, как я иду по канату над тиграми, а на голове у меня золотая шапка, а из шапки торчат вот такие страшные перья.

— Папа! — вдруг схватил Иван Катю за руку.

— Где папа? Чей папа?

По улице навстречу Ивану и Кате чесал Папиашвили.

— Мой Папа. Тренер мой. Папиашвили.

— И чо?

— Чо-чо! Нарушение режима!

Иван быстро схватил Катю, перебросил её через невысокий заборчик и сам — туда же, на какую-то стройку. Стал смотреть сквозь щёлочку в заборе на то, как Папиашвили проходит мимо по улице.

— Кажись, не заметил нас.

Он обернулся и увидел, как Катя идёт по железной трубе, переброшенной через строительную яму.

— Опять упадёшь! После шампанского...

Шарьгин прыгнул в яму, подставил руки. Леденцова со смехом смотрела на него сверху. После дождя на дне ямы хлопало. И труба была мокрая. Катя сказала:

— Ладно уж, упаду!

И она упала в объятия Ивана. Здесь зритель ждёт, что он и она оба невольно сливаются в своём первом поцелуе. Но ничего такого не происходит, и зритель на заднем ряду ещё может довольствоваться поцелуем с рядом сидящей подружкой, а остальным приходится терпеть и терпеть до самой свадьбы.

В два часа ночи Шарыгин и Леденцова расставались у дверей квартиры Чумаковых на шестом этаже.

— А я завтра уезжаю домой в Юлаевск.

— Завтра? Как завтра?!

— Вот так. Кончилось моё гостеванье у старшей сестры.

— Почему?

— Отец позвонил, сказал, что мама в больнице. Чумаков сразу же на завтра взял билет. То есть уже на сегодня, потому что уже два часа ночи. Ох и влепят же мне сейчас родственнички!

По идее, Иван должен сказать: “Может, поднимемся ещё ко мне, угощу чашечкой кофе? Всё равно так и так ругать будут”, — но он кондово несовременный, железобетонно-советский человек, и потому произнёс:

— А можно я завтра провожу тебя до поезда?

— Можно. Очень даже можно! Поезд ровно в восемь утра.

По идее, Катя должна была сказать: “А может, поднимемся к тебе на девятый этаж? Там давно уже стоит и пахнет пресловутая чашечка кофе”, — но Катя, как это ни странно, тоже вполне советский человек, и она проводит ладонью по Ивановой руке и уходит в квартиру своей сестры. А Иван потом на своём девятом этаже, где нет никакой чашечки кофе, ворочается в кровати, не может уснуть, смотрит в окно, как сияет луна, и видит глаза Кати, сияющие в зрительном зале кинотеатра.

И он рычит, потому что не может уснуть:

— “Белый взрыв”! Вот тебе и белый взрыв!

Трибуны стадиона Большое-О взорвались! Но это был не белый, а звёздно-полосатый взрыв, потому что на почётную дорожку выходила огромная олимпийская сборная Соединённых Штатов Америки. На трибунах царило бешенство, Биг-О орало, стонало, прыгало, улюлюкало, многие зрители забыли, что уже произошли от обезьяны и давно считаются людьми. 78 золотых, 82 серебряных, 79 бронзовых, итого — 239 медалей! Но это было давно, в 1904 году, на Олимпийских играх в американском Сент-Луисе, в которых только полсотни человек было не из США и Канады, а остальные — из США и Канады! Русских на ту Олимпиаду вообще не пустили ни одного, поскольку кровожадная и злая Россия вела войну с белой и пушистой Японией. Та Олимпиада стала почти полным воплощением американской мечты. Полнее только, когда в играх примут участие исключительно одни американцы.

Семьдесят два года спустя, здесь, в Монреале, картина оказалась другая. С 34 золотыми, 35 серебряными и 25 бронзовыми медалями Штаты оказались лишь на третьем месте, уступив и Советскому Союзу, и Германской Демократической республике. Но всё равно, стадион безумствовал, выражая бешеную любовь к звёздно-полосатому знамени, которое нёс обаяшка Гэри Холл, пловец, не завоевавший ни одной золотой медали, — ни в Монреале, ни на предыдущих Олимпиадах, но почему-то именно ему доверили нести священный матрас “Старз-энд-страйпс”. Причем и на открытии, и на закрытии монреальских игр. Лишь за его голливудскую внешность, наверное.

— Америкаки пошли, — сказал Шустиков, когда до спортсменов, томящихся ожиданием, донёсся неистовый рёв стадиона. — Ишь, как публику током шибануло.

А в далёком-предалёком селе Норка, сидя перед “Рубином”, снова недоумевал младший Шарыгин:

— Ну как так? И-спания, а за ней Сэ-Шэ-А?

— Да потому что не Сэ-Шэ-А, — снова объясняла сестра Тоня, знаток французского языка. — А по-французски США будет “Этазюни” — Etats-Unis.

— Унитазюни! — с явной нелюбовью к США отозвался Сашурик.

Посмотрев на будильник, Иван зарычал от нетерпения — ехать провожать Катю ещё рано, — и он снова стал ворочаться, думая о ней. Такое было с ним впервые в жизни. Неужели это то, о чём он мечтал: “Когда встречу свою любовь, тогда у меня и появится девушка, моя женщина, жена”? В этой уже оформившейся, но всё ещё девчонке он уже видел будущую мать своих детей, как она встречает его, усталого, а он только что приехал с очередного крупного соревнования... Так с Олимпийских игр вернулся, откуда же ещё! С золотой медалью, с чем же ещё! Она открывает ему дверь, а вместо квартиры у них — огромный спортивный зал, по углам которого стоят кровати, кухня, ванная комната с туалетом, но посредине — всё спортивное и очень просторное, дети гоняют в футбол, а Катя бросается ему на шею, целует, и он несёт её, как в кинотеатре, сажает рядом, причём почему-то в машину, сам за рулём, включает сцепление...

Отчего же не звонит будильник? Ведь уже вовсю рассвело. Мать честная! Он уже звонил, а Иван всё-таки уснул под утро, да так крепко, что не слышал. Ручища у Ивана тяжёлая, и будильник рассыпается по полу на мелкие осколки, будто это часовой механизм проспал, а не Шарыгин. Колесики скачут, вертятся, но мировое время не зависит от внезапной гибели одного своего механического слуги. До отхода поезда двадцать минут. Только бы попало такси!

Побежали колесики чёрной таксистской “Волги”, и уже возвращаются колесики поезда, а Иван бежит по перрону, безумно всматривается в окна, ищет глазами Катю и вдруг видит её в вагонном окне. Катя видит Ивана, вскакивает, смотрит на него и рыдает. Иван машет ей вслед.

“Дорогая Катя! В тот день, когда мы в кино смотрели фильм “Белый взрыв”, во мне самом произошёл “белый взрыв”. Особенно, когда ты схватила меня за руку после того эпизода, где герой фильма упал со скалы, и я потом уже не отпускал твою руку. Всю ночь я не мог уснуть, мечтая о том, как буду завтра провожать тебя на вокзал. Меня грызли сомнения, могу ли я так сразу признаться тебе, что хочу, чтобы ты стала моей женой на веки вечные. Заснул под утро и не слышал звонка будильника. Я примчался на вокзал за минуту до отхода поезда. Думал: не увижу тебя, шарахну башку свою, как тот будильник, на мелкие брызги. Смотрю — в окне ты, моя Катюша! Увидела меня и вдруг заплакала. Я только успел рукой махнуть... Вернулся домой и сразу стал писать тебе письмо...”

“Дорогой Иван! Как же я обрадовалась, получив от тебя письмо! Я думала: чемпион, сходил с девчонкой в кино, да и забыл. А ты, оказывается, думал обо мне, точно так же, как я о тебе. Может, я зря так откровенно пишу тебе о своих чувствах. Наверное, нужно иначе себя вести, скрывать, таиться, интриговать, чтобы мужчина не утратил интереса. Но у меня такой открытый характер, что я терпеть не могу всякое кокетство, не умею изображать таинственность и всё такое...”

“И у меня такой же характер. Отнюдь не скрытный. И я тоже терпеть не могу кокетство и всякое “хочу — не хочу”, “люблю — не люблю”, “могу — не могу”. Это не по мне”.

“Могу тебе честно признаться, что я ещё ни с кем не целовалась. А ты, небось, уже со многими целовался. И не только...”

Письма текли друг другу навстречу, соединяя два далёких друг от друга города незримой тёплой нитью любви. И вот пришло радостное письмо, которое Катя читала, сидя одна в скверике, а осенние листья сыпались на неё, будто хотели заглянуть в Ивановы строки.

“Дорогая Катя! Ура! В ноябре наша сборная Красношарского края едет на турнир не куда-нибудь в Швецию-Грецию, а в твой Юлаевск!”

Катя счастливо зарылась лицом в письмо.

Кончились эти долгие месяцы разлуки. Иван и Катя шли по ночному Юлаевску. Ноябрь. Холодно. Иван обнял Катю, согрелая её. Потом вдруг резко отодвинул от себя, взял своими ладонями за её хрупкие плечи и, глядя прямо в глаза, произнёс решительно и бесповоротно:

— Поедем, Катюша, в Красношарск, там и распишемся. А то здесь долгая волокита, да и родители противиться начнут.

— Ты с ума сошёл, Иван!

— А что? Думаешь, спортсмен, всё такое... Между прочим... Вот, смотри... — Шарыгин достал из кармана сберкнижку, листанул её, показал Кате: — Видала? Я хорошо зарабатываю!

— Какой же ты смешной! — от души расхохоталась Леденцова, будто не он, а она была на семь лет его старше.

И снова — побег из родного дома! В Красношарск самолёты летали только из Уфы. По-башкирски забавно пишется “Уфа” — кружок, перечёркнутый поперёк, кружок, перечёркнутый сверху вниз, и снова кружок, перечёркнутый поперёк: ☉☉.

Выйдя из машины в уфимском аэропорту, Иван и Катя сразу же столкнулись с шагающим им навстречу Папиашвили. Шарыгин покраснел, как невыучивший урок первоклассник перед своей учительницей.

— Георгий Михайлович, Катя летит со мной. Мы решили пожениться. Мы любим друг друга.

Папа в возмущении стал хватать воздух ртом, не зная, как выразить своё негодование.

— Я... Вот вам... Ёлки... Погодите... Девочка, ты ведь даже школу не окончила.

— Закончу, Георгий Михайлович. Честное-пречестное! Да чтоб мне сдохнуть! В Красношарске вечернюю...

— Стало быть, в Красношарск... Постой, девочка, а родители о вашем решении знают?

— Ещё нет...

— Ещё нет?! Иван! Как ты мог! Увёз человека, ёлки-пальки, как цыплёнка какого-нибудь... Будто чемодан прихватил с собой! Нет, братцы, надо ехать обратно, просить руки у её родителей.

— В Юлаевск?

— Ну, а куда же!

По возвращении в Юлаевск всё оказалось не так страшно, как можно было ожидать. Леденцов работал поваром, накрыл богатый стол: жареный гусь с яблоками, паштет по-французски, плов по-узбекски, салаты пяти видов, многочисленные закуски. Противник водки, он выставил несколько бутылок хорошего красного сухого вина, которое пили только он и Папа. Иван, Катя и Катина мама Нина Мелентьевна запивали вкусную еду соками и квасами. После второй бутылки вина разогретые Сан Саньч и Папа уже не смотрели друг на друга, как на переговорах по мирному урегулированию кровавого конфликта. Папиашвили встал, чтобы произнести тост.

— Так выпьем же за то...

Иван тоже уже расслабился и, передразнивая грузинский акцент, продолжил:

— Чтобы одна малёнькая, но очень гордая птичка...

— Э, бичо, не перебивай, ёлки-пальки! Выпьем за то, что в старину замуж выходили очень рано, и браки были куда прочней нынешних. В данном случае, уважаемые, мы видим перед собой такой же случай. Так пусть же брак Ивана и Кати будет прочнее, чем даже СССР! По полному стакану!

Леденцов и Папиашвили чокнулись, выпили по полному стакану вина.

— А ты, мил человек, понимаешь, какую заботу берёшь на себя? Нас-то рядом не будет... — сказал Сан Саньч.

— Всю меру своей ответственности! Ручаюсь! — хлопнул себя ладонью по груди Папа.

— Да как же их распишут, если она несовершеннолетняя? — горестно спросила Нина Мелентьевна.

— Я готова жить без официальной регистрации, — дерзко ответила Катя.

— Мне тоже эти формальности до лампочки, — поддакнул Иван.

— Что-что?! До лампочки?! — сурово набычился Леденцов.

И Папе снова пришлось прибегнуть к своей грузинской дипломатии:

— Не кипятись, уважаемый Сан Саньч! Квартира у Ивана двухкомнатная. А насчёт регистрации брака — ручаюсь, получу личное разрешение председателя горисполкома. Мы с ним как побратимы. Клянусь!

Фиджи — острова в Тихом океане, и в Монреале выступали целых два представителя этой страны, на голубом флаге которой тоже красуется в крыже британский Юнион Джек. За этими двумя островитянами шли филиппинцы под своим знаменем — синяя и красная полосы, в которые вклинился белый треугольник с солнышком и тремя звёздочками. Впрочем, Филиппины, страна с населением в сто миллионов, не завоевала ни одной медали, и для идущих по Большому-О спортсменов золото сияло только на солнышке их флага.

В доме Шарыгиных — гора пельменей. Такого разнообразия, как у Леденцовых, нет, но зато тоже вкусно до невозможности. Даже Папа признал:

— На что уж моя жена, царица Тамара, повелительница пельменей, и я знаю в них толк, но должен сказать, что ваши не уступают пельменям моей жены.

Это продолжала работать грузинская дипломатия.

За столом сидели мать и отец Шарыгины, Иван с Катей, Папиашвили, старшие братья Виктор и Володя, он тогда ещё был живой, жёны Виктора и Володи, старшая сестра Тоня, младшие — Гриша, Таня, Нина и Сашурики. Все время от времени поглядывали на Катю, конечно же, интересно было, кого себе выбрал в жёны Иван. Мать первая не выдержала с оценкой Иванова трофея:

— Да где ж ты нашёл такую снежинку малосенькую?

— Точно, что снежинка. С неба падала, а я поймал, — покраснел Иван.

— И не снежинка, а льдинка, — набралась смелости Катя. — Фамилия моя Леденцова.

— А теперь будет Шарыгина, — заявил Иван, будто уже ставя печать в паспорте Кати.

Тут отец, разомлев от вышитой водочки, подсел к Кате и ласково спросил:

— Ну, ладно, льдинка-снежинка, а какая твоя любимая песня?

На этой викторине Катя не ожидала вопроса по данной тематике. Выпучила в испуге глаза и звонко ответила:

— “Солнышко”.

— “Солнышко”?

— Ну, эта: “Солнышко светит ясное...”

И вдруг всех словно прорвало от радости, что такую хорошую песню любит эта льдинка-снежинка. Разом запели всем застольем:

*Солнышко светит ясное,
Здравствуй, страна прекрасная!
Юные нахимовцы тебе шлют привет!
В мире нет другой Родины такой!
Путь нам озаряет, точно утренний свет,
Знамя твоих побед!*

Четыре золотых и две серебряных — прекрасный результат для такой не самой могущественной страны мира, как Финляндия. Сразу два золота принёс своей стране бегун Лассе Вирен, выиграв в Мюнхене на дистанциях в пять и десять километров, а в Монреале с блеском повторив это двойное золотое достижение. С честью и гордо мог нести он знамя с лазурным крестом на белом поле.

Канадский журналист Эл Боуи тоже с нетерпением ожидал финала церемонии закрытия Монреальской Олимпиады. Покусывал ногти, глядя, как нетерпимо долго тянутся все эти Филиппины-Финляндии и прочие Фиджи, на которых после бури приветственных эмоций в адрес Соединённых Штатов отдыхала публика стадиона Биг-О. Но до выхода сборной СССР было далеко, французский алфавит дошёл только до буквы F, впереди оставались G, H, I, J, K, L, M, N, O, P, R, S, T и только после этого U — URSS. Вон ещё сколько!

(Окончание следует)